

АНИМА

Запертые комнаты

— ЛИСАВЕТА ЧЕЛИШЕВА —

18+

Лисавета Челищева

АНИМА. Запертые комнаты

<https://litres.ru/74609112>

SelfPub; 2026

Аннотация

Карина — художница, которая грезит о признании. Демир Османоглу — коллекционер, чьи картины продаются за миллионы, а имя окутано слухами. Когда он предлагает ей контракт — тридцать три дня в его резиденции, полная свобода творчества и место в его галерее, — она соглашается, не раздумывая. Условия просты: он может рисовать её в любое время дня и ночи. Она получает славу. Всё честно.

Но в его доме слишком много запретных дверей. Слишком много вопросов, на которые он не отвечает. А по ночам Карине снятся сны, в которых она умирает от рук мужчины с чёрными глазами. И этот мужчина слишком похож на Демира.

Содержание

Глава 1: Тридцать третья ночь	4
Глава 2: Мёд и красная нить	13
Глава 3: Условие на ладони	24
Глава 4: Тёмная вода	37
Глава 5: Металл и кожа	44
Глава 6: Полёт над шипами	53
Глава 7: Слово, которое убивает	66
Глава 8: Медная душа	73
Глава 9: Стамбульский контракт	81
Глава 10: Метки на коже	93
Глава 11: Флорентийская ночь	102
Глава 12: Тридцать три розы	107
Глава 13: Дом у Босфора	117
Глава 14: Проклятие рода	132
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Лисавета Челищева

АНИМА.

Запертые комнаты

Глава 1: Тридцать третья ночь

ДЕМИР

— Войди, — выдохнула она и свела брови. Ингрид поднялась на локтях, обхватила мою шею руками и сразу вжалась губами в мой рот. Почти сразу отстранилась, заглянула в лицо, ожидая чего-то, потом опустила ладонь вниз, обхватила пальцами мою плоть и без промедления приставила кончик к мокрой ложбинке между ног.

— Демир, давай, я хочу тебя ощутить, — сказала она, почти не разжимая губ.

Я навалился всем весом, сжал ее бедра, вминая ее тельце в матрас, и вошел одним сильным рывком до предела. Она сразу издала протяжный горловой звук. Я смотрел в ее лицо, просто смотрел, не испытывая ничего. Рот девушки раскрылся, губы натянулись, показав ровный ряд зубов, она замерла в беззвучном крике.

Я начал двигаться. Толкался тазом грубо, с тяжелыми

шлепками, вгоняя плоть снова и снова. Она не успевала за моим ритмом, только хлопала глазами: то зажмуривалась, то широко распахивала их, и на дне зрачков плескалась беспомощность и голод.

Я взял ее за волосы на затылке и намотал светлые пряди на кулак, чтобы зафиксировать голову. Затем вышел, перевернул ее на живот, задрал бедра вверх и шлепнул ладонью по ягодице — сильно, с оттяжкой, оставив красный след.

Не та. Не моя женщина. Настоящая муза не стонет в этой тональности, не выгибает спину этим заученным движением.

Я дернул ее бедра на себя, развел ноги коленом и снова толкнулся внутрь. Ингрид заскулила и подалась назад, навстречу. Она заплакала, вжимаясь лицом в скомканные простыни, но продолжала двигаться задом.

Почему я это понимаю только к концу каждого контракта? Муза — не та.

Девушка вдруг уперлась ладонью мне в грудь — так, что на секунду показалось, будто она решила остановиться. Но нет, она просто искала опору и продолжала двигаться мне навстречу, цепляясь ногтями за плечи.

Мышцы ее живота напряглись, она была уже на грани. Я накрыл ее рот ладонью, заглушая стоны, и резко перевернул ее на живот. Свободной рукой вжал голову в подушку. Сам встал на колени позади. Взял плоть у основания, раздвинул ее пальцами и толкнулся резко, до предела. Ингрид закричала что-то сквозь слезы, звуки утонули в подушке, и ее тело

забилось в оргазме. Я крепко держал ее за волосы, заставляя стоять на коленях ровно.

Это была последняя ночь по контракту. Тридцать три дня истекали. Моя муза по вызову почти закончила свою задачу.

Ее пальцы безвольно расползлись по простыне. Мне было плевать, что она выдохлась. Я вышел из нее и сразу, без подготовки, толкнулся в нее сзади. Она сдавленно взвыла, все тело напряглось, сжалось вокруг меня. Я двигался грубо, с каждым толчком все сильнее ощущая отвращение к ее коже, запаху, влажным звукам. Как хорошо, что больше я ее не увижу.

Ингрид издала долгий хрип, похожий на сдавленный зевок. Я вышел, хлопнул ее со всей дури ладонью по ягодице, отчего она вскрикнула и завалилась на бок. Сам пошел в ванную.

Вернулся с полотенцем на бедрах, посмотрел на тяжело дышащую девушку на краю кровати. Обычная женщина. Лицо мокрое, волосы спутаны. Искра погасла. Все.

Я прошел к кофе-машине.

— Кофе? Ты серьезно? — Ингрид устало усмехнулась, не поднимая головы.

Я поставил чашку на блюдце.

— Что-то не так?

— Ты же потом не уснешь.

— Это лучший турецкий кофе, не то пойло из супермаркетов.

— И в чем разница? Любой кофе бодрит.

— Настоящий кофе не бодрит, а прочищает мозги, — я обернулся к ней с чашкой. — Хочешь?

Она мотнула головой. Я подошел к панорамному окну. Снаружи темнела вода, у причала горел одинокий фонарь. За моей спиной звякнула зажигалка.

Я обернулся. Ингрид уже сидела на кровати, закутанная в простыню, курила и стряхивала пепел прямо на дубовый пол.

Меня передернуло. Я подошел к ней, выхватил сигарету, затушил о деревянную спинку кровати и выбросил окурочок в сторону.

— Ты знаешь, что я это ненавижу, — я схватил ее за лицо, сжал щеки пальцами. Пухлые губы сжались. Она выглядела как щекастая рыба. Смешно.

— Извини...

— Дома будешь себя травить.

Я разжал пальцы и отступил. Потом достал из портфеля лист гербовой бумаги с черным тиснением «33» в углу и протянул ей. Она взяла контракт, еще не понимая, ее взгляд плавал в остатках удовольствия.

— Контракт аннулирован. Эта ночь была последней. Ты свободна.

Смысл доходил до нее медленно. Углы рта поползли вниз.

— Как? Это шутка, Демир? — она нервно усмехнулась.
— Ты же не серьезно?

— Серьезно.

— Но нам же так хорошо вместе!

— Все хорошее заканчивается.

— Нет, ты шутишь, да?

Я покачал головой и начал собираться: запонки, часы, бумажник в дорожную сумку.

— Демир! — голос взвился. Она схватила контракт и кинулась ко мне. — Продли его! Хотя бы на неделю! У меня не готова серия с маяком, ты сам сказал, что она отличная.

— Серия отличная, — я застегивал манжеты рубашки. — Но время вышло.

— Нет!

— Ты получила славу, связи, признание — все по договору. Теперь твори где и с кем хочешь. Я тебе больше не нужен.

Ингрид швырнула бумагу на кровать. Простыня упала к ее ногам. Она стояла голая, с горящими глазами, разъяренная. На секунду она мне даже снова понравилась. Такая. Дикая. Естественная.

— Зачем тебе все это?! Зачем ты собираешь девушек, спишь с ними, смотришь, как они рисуют, а потом выкидываешь? Чего тебе не хватает?? Что... Что во мне не так?

Я усмехнулся, поправляя воротник пальто. Не люблю верхнюю одежду. Но в Норвегии сейчас жуткие ветра.

— В тебе все есть. Но это все... Не мое.

— Не твое? Тогда зачем ты меня брал целый месяц?

Я сжал губы.

— Успокойся. Был контракт на творчество. Никто не тащил тебя в мою постель. Ты сама залезла. Или забыла, как пришла ко мне в номер голая?

Она села на кровать, зло сверкая глазами.

— А-а, я поняла. Поняла. Ты наслаждаешься этим. Да? Поднимаешь свою самооценку. Влюбляешь в себя, а потом швыряешь. А я очередная дура. Влюбилась.

— Сожалею. Но удовольствия от этого ноль. Я не наслаждаюсь твоей болью. От того, что я опять ошибся, мне паршивее, чем тебе.

— Какая тебе боль? Ты пользовался мной! Не я тобой.

— Объяснять моих мотивов не стану. Сочтешь меня психом. Давай расстанемся нормально. Ты была отличной музой. Не порти впечатление этой истерикой. Спасибо за творчество.

Она швырнула в меня подушкой, я поймал ее и положил на комод.

— Псих? Нет, Демир, ты эмоциональный упырь! Ходячий упырь, который питается чужим талантом!

Я не обернулся. Спустился по лестнице, взял ключи от машины, вышел на воздух. Дышать здесь было легче. Темный «Бентли» стоял на гравийной дорожке.

Я сел за руль и вырулил на пустое шоссе. В салоне было тихо, а в голове до сих пор стоял ее визгливый голос.

Нажав кнопку на руле, я набрал Луку. Гудки шли долго. Ассистент явно спал, хотя обязан был оставаться на связи

круглые сутки.

— Да, господин Османоглу, — голос явно сонный. Я решил не отчитывать. Секс оставил хорошее послевкусие.

— Лука, эта художница не подошла. Очередная пустышка.

Он вздохнул, я услышал скрип кровати и щелчок светильника.

— Понял, эфенди. Куда бы Вы хотели отправиться теперь? Мы объездили почти всю Европу и Азию. Турция, Италия, Китай, Франция... Скандинавию Вы, очевидно, тоже закрыли.

Я молчал, глядя, как белая разметка улетает под капот. Тишина затянулась. Лука рискнул:

— Эфенди, может, Исландия? Или Швеция?

Я поморщился. От скандинавов меня уже тошнило: их дизайнерский минимализм, их сдержанная депрессия, вечные разговоры об экологии и гендерном равенстве. Ингрид была квинтэссенцией всего этого, и я пресытился ее культурой до краев.

— Подожди, — перебил я. — А Россия? У нас же там открывается новая галерея?

В трубке повисла пауза. Я представил, как мой ассистент судорожно перебирает в памяти все предстоящие события.

— Вы правы, — ответил он наконец. — В Петербурге. Галерея современного эротического искусства. Выкупили три года назад после того скандала с видео-артом. Лично Вы там

ни разу не были, эфенди.

— Тогда какого черта ты сразу не предложил поехать туда?

— Извините. Я полагал, что после... инцидента с эстонской художницей Вы избегаете постсоветского пространства.

— Эстонка была клинической истеричкой, Лука. При чем тут география?

Я чуть прибавил скорость. Идея начинала мне нравиться. Искусство, замешанное на русской тоске, морозе и великой литературе. Я никогда не работал с таким материалом. И он казался мне запредельно сладким.

— Лука, какой темперамент у русских девушек? Норвежские — холодные снаружи, внутри сжатая пружина. Агрессивные, но предсказуемые. Датские — мягкие, но слишком быстро привязываются и начинают мнить себя хозяйками. А вот русские? Какие они? — я сделал паузу, ухмыляясь. — Загадка. Все о них говорят, но никто толком не знает.

Лука помедлил.

— Я думаю, это гремучая смесь, Демир-бей. Могут быть нежными и покорными, а через секунду разбить о вашу голову бутылку. Читали Достоевского? Это как раз про них. Широта души и постоянные крайности.

Я хмыкнул.

— Русское искусство вообще удивительно, — я говорил больше для себя, чем для Луки. — Оно пропитано страданием, но при этом невероятно телесное. У них иконы и

авангард парадоксальным образом связаны. Какая интересная история будет...

— Эфенди, всегда хотел спросить. А как Вы узнаете свою очередную музу? — осторожно спросил Лука.

Я прикрыл глаза, воображая будущую встречу.

— Сначала по походке. Женщина, в которой горит искра, никогда не идет прямо. Она движется так, будто плавно обходит невидимые препятствия. Затем по манере говорить. Иногда она вообще молчит, но ты чувствуешь — это молчание громче слов. Понимаешь, что у нее загадка внутри. Потом по запаху. Не духи. Уникальный собственный шлейф. Ты понимаешь, что это — твое. А потом по глазам. По глазам сразу всё видно. В них стоит голод, который нельзя утолить ни деньгами, ни славой, ни сексом. Жажда оставить свой след в искусстве. Когда я вижу такой взгляд, я уже не могу отступить.

Я встряхнул головой. Ингрид осталась там, в деревянном коттедже у холодного моря. Архив пополнился. Муза не та. Дело закрыто.

— Готовь самолет, Лука. Завтра мы летим в Петербург. Посмотрим на русскую душу вблизи.

Глава 2: Мёд и красная нить

КАРИНА

Билет на вечернее открытие я сжимала в руке очень бережно. Пять тысяч — почти недельный бюджет на краски и холсты, но я решила, что оно того стоит. Галерея Демира Османоглу открывалась в Петербурге, в старом особняке на Литейном, и мне просто повезло попасть в число тех, кто успел купить билет до того, как их раскупили.

Из дома я выходила с ощущением, что иду на что-то по-настоящему важное. Будто на выпускной или день рождения. Собрала волосы в красивый пучок, подвела глаза, накрасила губы блеском, надела чёрное платье из шелка, которое доставала только по особым случаям. Такси уже ждало у подъезда, белая машина подкатила минута в минуту.

— Куда? — устало спросил водитель.

— Новая галерея на Литейном.

Он глянул в зеркало и одобрительно хмыкнул. Я невольно улыбнулась.

Город будто ждал этого вечера. Все, кто хоть немного интересовался искусством, знали: открытие галереи Османоглу — большое событие.

Доехали за двадцать минут без пробок. У особняка я на секунду замешкалась. Старое здание с пилястрами и массив-

ными дверями. В основной корпус была встроена стеклянная пристройка с подсветкой. Современно и красиво.

Мокрый после дождя асфальт отражал желтые огни пристройки. Мне тут же захотелось это зарисовать. Я расплатилась с водителем, поправила выбившуюся прядь и вошла.

Внутри самой галереи всё было выстроено просто и дорого: белые стены, высокие потолки, свет направлен так, что каждая картина выделялась. Я сразу заметила несколько полотен из серии «Плоть и дух» — те самые, о которых до хрипоты спорили в арт-тусовке в прошлом сезоне. Пейзажей здесь не было, только люди — обнажённые, переплетённые, пойманные в моменты, которые обычно прячут за закрытыми дверями.

Я медленно переходила от одной работы к другой, стараюсь не выглядеть жадной до впечатлений, хотя внутри всё трепетало и смущалось от такого откровенного искусства.

Вокруг стояли люди с бокалами, в дорогих костюмах, смеялись светским смехом, вели приглушённые беседы. Я чувствовала себя здесь немного чужой, но оторваться от холстов не могла — в них было что-то настоящее. Страсть. Или любовь. Порой... желание.

В центре зала висела огромная картина — «Предел доверия». Я знала её по репродукциям, но вживую она поражала ещё больше.

На полотне мужчина сидел, широко расставив ноги, и держал женщину за шею. Она сидела у него на коленях, спиной

к его груди, ноги в чулках разведены, на шее ошейник. Он проводил языком по её щеке, а второй рукой — у её бёдер. Лицо женщины выражало боль и наслаждение сразу. Вокруг валялись цепи, плётка, на заднем плане стояла металлическая кровать. Я подошла ближе и всмотрелась в её черты.

У меня перехватило дыхание: тёмные волосы, светлые глаза, губы — женщина на картине была на удивление похожа на меня. Я даже отступила на полшага назад и снова вгляделась.

Сходство действительно бросалось в глаза.

От картины невозможно было оторваться. От нее веяло откровенностью. Мне даже показалось, что я чувствую жар, исходящий от нее.

Я стояла и понимала, что не могу отвести взгляд. Мало того — я представила себя на месте этой женщины. Не просто представила, а захотела оказаться там, с тем мужчиной. Внизу живота заворочалось горячее, тёмное желание, и я сжала бёдра, надеясь, что никто не заметит моего состояния.

— «Предел доверия», — раздался за спиной низкий мужской голос.

Я вздрогнула, будто меня коснулись, и обернулась.

Он стоял в трёх шагах. Высокий, выше меня на голову даже с учётом моих каблуков. Чёрные густые волосы небрежно зачёсаны назад, тёмные глаза смотрели прямо на меня. Смуглая кожа, полные губы. От него пахло терпко ипряно, древесными нотами — Dior Sauvage, я узнала.

— Простите?

— Картина, — незнакомец кивнул на полотно. — Вы смотрели так, будто хотели войти в неё.

У меня загорелись щёки. Неужели мои эмоции так легко считать?

Я прижала пальцы к шее, пытаясь справиться с неловкостью.

— Я просто... — запнулась, — просто эта девушка на картине...

— Похожа на вас, — закончил он.

— Вы тоже заметили?

— Это трудно не заметить. Сходство сильное. Наверное, художник так увидел женскую красоту. Вы подходите под его видение.

Он шагнул ближе. Я инстинктивно качнулась назад и упёрлась спиной в стену. Но незнакомец больше не вторглся в моё пространство — просто встал рядом, разглядывая холст вблизи.

— Вы художница? — спросил он, не поворачивая головы.

— Да.

— Это видно.

— По чему?

— По тому, как вы смотрите. Не как покупатель. Не как любитель. Как человек, который сам хочет создавать такое. Я прав?

Я кивнула. Он оказался прав, и ещё он был до невозмож-

ности хорош собой — словно актёр из восточного сериала, где любовь всегда ранит. В его лице всё было правильное, но в глазах пряталась какая-то тёмная история. Но это несколько не портило его, наоборот — тянуло разглядывать.

— Вы тоже художник?

— Да.

— Я так и подумала. У вас взгляд коллекционера.

— Коллекционера? — он повернулся ко мне, и я встрети-
лась с его прямым взглядом. — Почему вы так решили?

— Потому что вы не просто смотрите. Вы оцениваете. От-
бираете. Я права?

Он коротко кивнул и усмехнулся. От этого простого дви-
жения у меня по спине побежали мурашки. Что-то в его
усмешке было будоражащим.

— Можно узнать ваше имя? — спросила я, сама удивля-
ясь своей смелости. Обычно с мужчинами знакомиться мне
было сложно. Если только они сами не проявляли активную
инициативу.

— Демир. Демир Османоглу.

Мои ноги стали ватными. Я оперлась о стену плечом, на-
деясь, что он не заметит моего потрясения.

Османоглу — тот самый?... Владелец галерей, богатей-
ший коллекционер из Турции, художник, чьи работы про-
дают за миллионы. Человек, который создал «Предел дове-
рия». Человек, который сейчас стоит рядом со мной и смот-
рит на свою же картину. Я сплю?

— Это ваша работа, — сказала я тихо. Он не ответил, наверное, посчитал вопрос слишком очевидным.

— Вы местная? — спросил он, скользнув по мне взглядом с лёгкой насмешкой.

— Да. Родилась и выросла в Петербурге.

— А по национальности вы кто?

— Это важно?

— Мне стало любопытно. У вас необычная внешность. Я бы сказал... Экзотичная. Волосы тёмные, глаза светлые.

— Мама говорит, у меня есть нерусские корни по далекой папиной линии, но, честно говоря, я не знаю, — я улыбнулась. — Настолько глубоко я не знаю своих предков.

Мужчина сдержанно улыбнулся и поправил ворот рубашки.

— А вы? — спросила я. — Говорите по-русски без акцента, но...

— Но?

— Выглядите так, будто вам больше подошёл бы Стамбул, а не Петербург.

— Вы правы. Я из Турции, из Стамбула. Русский выучил в детстве, отец часто ездил сюда по делам и брал меня с собой. Поэтому акцента нет. Я давно знаю язык.

— Поэтому открыли галерею здесь?

— Поэтому. И ещё здесь особая атмосфера — загадочная, древняя. Но Стамбул вам тоже стоит увидеть, если любите искусство.

Мы помолчали. Картина перед нами вдруг стала не так важна.

— А как вас зовут? — спросил он, скользя по моим плечам изучающим взглядом.

— Карина.

— ...Карина. Скажите мне, — его голос стал ниже, мягче, — что для вас такое «предел доверия»? Не на этом холсте. Вообще.

Я замялась. Обычно я не рассуждаю о таком с незнакомцами. Но рядом с ним молчать не получалось — хотелось говорить, слышать его голос, ловить каждое движение.

— Предел доверия — это когда когда у тебя внутри срабатывает счетчик «всё, с меня хватит», — начала я, подбирая слова. — Это твоя личная красная черта. Ты можешь долго закрывать глаза на косяки, давать вторые шансы. Но в какой-то момент человек делает еще одну глупость, и ты понимаешь, что обратного пути нет. Кредит доверия исчерпан.

— Интересно, что вы стали говорить про отношения.

— Мне показалось мы говорим о теме, тесно связанной с искусством. Отношения между людьми — одна из главных его основ, почему мы хотим творить прекрасные вещи.

Я замолчала, чувствуя, как горят щёки от откровенного разговора. Демир смотрел на меня с лёгкой улыбкой.

— Почему вы так смотрите? Я сказала что-то не то?

— Мёд, — произнёс он тихо. — Ваши слова — чистый мёд для моих ушей.

Я нервно засмеялась. Что это значило? Ему правда понравилось? Или он так подшучивает? Мне, конечно, хотелось произвести впечатление на такого влиятельного человека.

— Но вас не смущает ирония? — он кивнул на картину.
— То, что вы описываете, не имеет ничего общего с тем, что изображено здесь.

Я снова посмотрела на холст, на женщину с моим лицом.

— А что для вас «предел доверия», господин Османоглу?
— задала я вопрос, сама не веря в свою дерзость.

Демир приблизился. Теперь он стоял ко мне всем корпусом, но смотрел на картину.

— Предел доверия в моем понимании — это абсолютная уязвимость и сознательная капитуляция. Это способность женщины полностью отпустить контроль и передать его мужчине. Даже когда ей становится по-настоящему страшно или больно, она не закрывается, потому что её вера в него сильнее инстинктов самосохранения. Она знает, что находится в полной безопасности. Это доверие, доведенное до своего абсолютного пика.

— ...Ясно, — выдохнула я. — Красиво сказано.

— Скажите, вы когда-нибудь пробовали такое? — он показал на картину. — Эротическое искусство?

— Нет.

— А хотели бы стать натурщицей?

Я мотнула головой.

— Мм... — он тихо промычал, и от этого звука по моему

телу прошла горячая волна. — Тогда вы не знаете, что такое настоящий предел доверия.

Я прикусила губу. Если бы он только знал, как часто по ночам я фантазировала о вещах, которые не решалась позволить себе днём. Именно эти фантазии и были моим вдохновением. Через них я нашла свою музу. Но выпускать её в свет никогда не решалась. Все мои рисунки и наброски шли в стол.

— Но разве доверие обязательно должно быть связано с болью и страхом? — вдруг возразила я. — Разве нельзя доверять без всего этого?

Демир повернулся ко мне, теперь его взгляд был направлен прямо на меня. И взгляд этот был колючим.

— Можно. Но это другое доверие. Обычное. А я говорю о том пределе, где ты перестаёшь контролировать ситуацию. Где от тебя уже ничего не зависит. Только тогда ты по-настоящему открываешься другому.

— Но это же пугает.

— Именно. И если женщина в этот момент не убегает, а остаётся и позволяет довести себя до самой грани, зная, что ей не причинят непоправимого вреда, — вот это и есть доверие. То, что я изобразил здесь.

Я замолчала, переваривая его ответ. Он говорил убедительно. В его логике было что-то дикое, но крыть такое мне было нечем.

— Но у вас интересный ход мыслей, Карина. Вы умеете

красиво рассуждать, — добавил он неожиданно мягко. — Мне это нравится.

Мои мысли тем временем становились всё откровеннее при каждом его взгляде, и внизу живота становилось уж слишком горячо для такого места. Демир словно раздевал меня взглядом, не прикасаясь.

— Карина, я хочу, чтобы вы нарисовали мне свой «предел доверия», — неожиданно сказал он и отступил на шаг. Я наконец выдохнула — с облегчением и лёгким сожалением. — Не то, что вы описали словами. А то, о чём вы думаете сейчас, глядя на эту картину. И на меня.

— Но... — я хотела возразить, но он перебил.

— Пожалуйста, не отказывайтесь. Я вижу, как вы смотрите. Такое дорогого стоит, и я готов заплатить. Куплю вашу работу. Назовите любую цену после того, как закончите.

Он протянул мне визитку — простую, белую, только имя и номер.

— До скорого свидания, я надеюсь, — попрощался он. — Не сдерживайте себя. Не пытайтесь мне угодить. Рисуйте честно. Свободно. Для себя.

Я смотрела, как он разворачивается и уходит в толпу. Широкие плечи, уверенная походка — всё в нём было элитарным, дорогим. Недостигаемым для меня.

Демир Османоглу.

Я прислонилась к стене и прошептала:

— Господи, что это было?

Внизу живота всё ещё тянуло, щёки горели. Я огляделась, ища его глазами, но он уже исчез. Осталась только визитка и задание, от которого у меня кружилась голова.

Рисовать? Что хочу? За любую сумму? Мечта!

Я ещё не знала, чем обернётся это предложение.

Глава 3: Условие на ладони

Я всё ещё не верила своей удаче. Демир Османоглу. Тот самый. Человек, чьё имя знает вся арт-тусовка, чьи галереи открываются в самых дорогих отелях Европы, чьи картины продают за миллионы. И он разговаривал со мной! Смотрел так, будто я не просто очередная художница, а что-то большее. Что-то особенное.

Дома меня накрыло новой волной эйфории. Я разулась, бросила сумку на тумбочку и прошла на кухню. Инна, моя лучшая подруга и сожительница, сидела за столом, пила чай с зефирками и листала ленту в телефоне.

— Ты чего такая взмыленная? — она подняла бровь. — В галерее резко нахлынуло вдохновение?

— Ты не поверишь, кого я там встретила! Демира Османоглу. Лично. Он со мной разговаривал!

— Понятия не имею, кто это. Но Серкан лучше. — она откусила зефирку. Я закатила глаза.

— Демир Османоглу, Ин. Владелец галерей, коллекционер, художник.

— Угу, филантроп и миллиардер.

— Помнишь, я читала про его творчество? Его работа «Предел доверия» висит в центре новой галереи, и он...

— Ладно, ладно, — перебила она. — И что он тебе сказал? Уже предложил быть восьмой женой в гареме?

— Инна!

— Что, пошутить уже нельзя? Всё, молчу. — она отложила зефир и уставилась на меня. — Рассказывай.

Я начала издалека, но быстро выпалила всё: про картину, про разговор, про задание. Про то, как он стоял рядом и от его голоса у меня подкашивались колени. Про обещаниекупить мою работу, если я нарисую свой «предел доверия».

— И ты согласилась? — подруга нахмурилась. — Карин, ты его вообще не знаешь. Богатые мужики — они такие. Сначала задания, потом предложения, от которых трудно отказаться. А потом сидишь и ешь торт со вкусом слёз. Как с твоим бывшим, которого ты кинула. Хотя могла и окольцевать мужика уже. Почему бы и нет?

— Ин, мы были вместе с университета. Семь лет. Он за всё это время ни разу не сделал предложения. А когда я сказала, что пора расходиться, вдруг захотел. До этого молчал, а тут сразу и кольцо, и угрозы, что он покончит с собой, если я уйду. Рискнула. Ушла. Ничего вон, до сих пор ходит живой, счастливо продолжает жить с мамой.

— Он не сказал когда именно планирует повеситься? Может, не сразу, а через годик? — усмехнулась Инна. — Ладно, шучу. Ты уже просто год в клубе веселых и одиноких. Вот я и подумала...

— Я просто не встретила ещё того самого.

— Ну да, а тут такой турок, красавчик-миллиардер подкатил, — она подмигнула. — Может, это судьба?

— Такие, как он, не встречаются с девушками. Такие меняют их как перчатки. И даже если он предложит переспать за связи, я откажусь. Быть использованной я больше не хочу.

— Ну-ну. Тогда работай, — вздохнула Инна. — А я спать. Пойду посмотреть сладкие сны про Серкана.

Я тоже вышла из кухни и пошла в свою комнату — ту самую, которую Инна разрешила превратить в мастерскую. Здесь пахло масляными красками, скипидаром и моими благовониями, лавандой и розами. Запах дома.

Я включила настольную лампу, поставила визитку Демира на видное место. Потом выбрала холст, натянула на подрамник, разложила кисти, смешала краски. Замерла перед белым полотном.

С чего начать? Я закрыла глаза и снова увидела его. Его слова о власти и подчинении. Как он смотрел на меня, будто уже знал, что я хочу вызова, хочу, чтобы меня заставили забыть о стыде.

Пальцы сжали кисть.

Я думала о том, каково это — быть с таким мужчиной. Не просто секс. Не белые простыни и нежные взгляды. А то, что он описывал: отдать себя полностью, позволить делать всё, что угодно, и доверять настолько, что страх превращается в наслаждение. Это перепрошивка психики. Я не знала, выдержала бы я такое, но тело сразу отозвалось. Внизу живота потеплело от одного только воображения. Я представила его руки на своей шее, как на той картине. Его пальцы, сжима-

ющие мои бёдра. Его голос, шепчущий приказы.

Я начала работать. Магия творчества захватила меня целиком. Я не замечала времени, не слышала, как Инна ходит в туалет, как за окном затихает город, как наступает рассвет. Краски ложились одна за другой — тёплые, телесные. Я писала без лиц, только тела, сплетённые в действии: мужчина держал женщину за запястья, прижимая к стене, её голова запрокинута, шея открыта для поцелуев. Это была я. Моя тайная фантазия, которую я никогда никому не показывала.

Когда солнце заглянуло в окно, я отступила на шаг. Картина была готова. На ней двое: она подчиняется, он властвует, но в изгибе её спины нет страха — только доверие. Только желание отдаться до конца. Я посмотрела на холст и почувствовала одновременно гордость и сомнение. Это было смелее всего, что я когда-либо писала. Но достаточно ли смело для Демира? Не покажется ли ему это наивным? Как у всех? «Надеюсь, это именно то», — прошептала я.

На следующий день, выспавшись, я решила действовать. На визитке был только email, и я написала короткое письмо: работа готова, можно ли встретиться. Оставила свой номер. И стала ждать.

Он перезвонил через три часа. Я как раз пила кофе на балконе, смотрела на панельки, и когда телефон зазвонил с незнакомого номера, чуть не выронила кружку. Сердце ёкнуло.

— Карина, — его голос прозвучал в трубке, и я сразу пред-

ставила его губы. Полные, мягкие.

— Демир, здравствуйте. Как поживаете?

Молчание затянулось. Я зря решила, что светская беседа сгладит неловкость.

— Я ждал вашего письма. Вы уже закончили?

— Да.

— Так быстро?

— На меня нахлынуло вдохновение.

— Прекрасно. Я думал о вас всю ночь. Мне не терпится увидеть, что вы создали за такой короткий срок.

Он думал обо мне? Всю ночь?

— Когда мы сможем встретиться? — спросила я.

— У меня два варианта. Я сейчас в Москве на частном мероприятии, оно состоится завтра вечером. Вы можете подождать моего возвращения в Петербург в понедельник. Или я отправлю вас завтра утром в Москву, и вы присоединитесь ко мне здесь.

Я прижала телефон к уху сильнее. Он предлагает оплатить мне поездку. В Москву. К нему.

— Вы хотите, чтобы я всё бросила и приехала?

— Я очень хочу увидеть ваше искусство, — уклончиво ответил он. — И ваш потенциал. Чем раньше, тем лучше. Решение за вами.

Я представила, как вхожу в его пространство, как он смотрит на мою работу, на меня. Как мы остаёмся наедине.

— Я приеду.

— Отлично, — в его голосе послышалась улыбка. — Моя помощница свяжется с вами и организует билет. Встретимся завтра. Мягкой посадки.

— До завтра.

— До завтра, Карина.

Я положила трубку и запищала от восторга. Инна, которая вышла из душа с полотенцем на голове, уставилась на меня как на сумасшедшую.

— Ты чего скулишь?

— Я лечу в Москву! Он меня пригласил!

— Тот миллиардер, который не Серкан?

— Да! — я схватила её за руки. — Инна, это сказка! Я покажу ему свою картину.

Она скептически поджала губы.

— Кариш, он явно не только картину твою хочет посмотреть. Ты хоть понимаешь, куда едешь?

— Конечно, понимаю. Но я справлюсь.

— Тогда включи геолокацию и пиши мне каждый час, — она обняла меня. — Ладно? А то знаем мы ваши восточные сказки.

Утром я села на «Сапсан» до Москвы. Билет был в бизнес-класс, и я всю дорогу сжимала в руках свёрнутое полотенно, боясь помять. За окном мелькали поля, деревни с покосившимися заборами, я думала о том, что через четыре часа снова увижу Демира Османоглу.

Перед прибытием я зашла в туалет, переоделась в чёрный

свитер и белую мини-юбку. Посмотрела на свои ноги. Хотелось показать ему их. Хотелось понравиться. Но я решила держать дистанцию — таким мужчинам, наверное, нравятся неприступные.

В Москве меня встретил водитель с табличкой «Карина Евсеева». Чёрный «Мерседес» с тонированными стёклами довёз меня до отеля в центре — из тех, мимо которых я всегда проходила с чувством, что мне туда никогда не попасть.

В лобби пахло дорогим парфюмом и цветами, тихо играла музыка. Я чувствовала себя Золушкой, которая вот-вот встретит принца.

Я огляделась и увидела его. Демир сидел в кресле у окна, подпирая подбородок кулаком, читал какие-то бумаги. Но как только я вошла, он отложил их и стал смотреть прямо на меня. На нём был чёрный костюм, верхние пуговицы рубашки расстёгнуты, открывая смуглую шею.

Изображение

Я остановилась перед ним. Он медленно оглядел меня, задержав взгляд на ногах. Потом поднялся и пошёл ко мне — неторопливо, с лёгкой улыбкой. Каждый его шаг приковывал моё внимание.

— Карина, — ласково произнёс он. — Добрый вечер.

— Добрый. Рада снова увидеться.

— Взаимно. Ты прекрасно выглядишь.

— Спасибо.

— Это та самая картина? — он кивнул на свёрнутое по-

лотно, которое держал водитель у стены.

— Да.

— Прекрасно. — его карие глаза скользнули по моему лицу, задержались на губах. — Не хочешь подняться в мой номер? Развернём и обсудим твою работу.

Подняться в его номер. Звучало сомнительно. Но мы же взрослые люди. Я хорошенькая, он чертовски привлекательный. Почему бы и нет? Посмотрю, что будет.

— Хорошо, — ответила я, и он улыбнулся.

— Лука, — обратился он к водителю, — подними вещи Карины-ханым в её номер. А за картиной я присмотрю сам.

Лука кивнул и ушёл с моей сумкой. Демир взял свёрнутый холст и протянул мне свободную руку.

— Идём.

Я вложила ладонь в его пальцы, и по коже сразу пробежал короткий электрический разряд. Демир лукаво улыбнулся, заметив мою реакцию.

— Ты всегда так реагируешь на простые прикосновения?

— Только когда они не такие уж простые.

— Интересно. — он чуть сжал мою ладонь и повёл к лифту.

В зеркальном лифте я видела нас обоих: он стоял чуть сзади, высокий, крепкий, и смотрел на мой затылок. Я кожей чувствовала этот взгляд.

— Волнуешься? — спросил он негромко.

— Немного. Надеюсь, вам понравится моя работа.

— Расскажи о своей технике. Ты предпочитаешь масло или акрил?

— Масло. Оно живое, с ним можно долго работать, менять слои. Акрил слишком быстрый, не даёт времени подумывать.

— А как ты добиваешься телесной глубины? Лессировками?

— Да, множеством тонких слоёв. Но ещё важно подмалёвок сделать тёплым, тогда кожа начинает будто светиться изнутри.

Демир кивнул, не сводя с меня глаз в отражении.

— Не терпится уже посмотреть на твою работу. Ты действительно знаешь свое дело. Не просто рисуешь, а понимаешь, что делаешь. Это редкость.

— Спасибо.

— Я не лъщу. Я говорю как есть. — он помолчал. — А как ты считаешь, эротическое искусство должно быть красивым или честным?

— Честным. Красота — это уже потом. Если честно, то красиво само по себе.

— ...Согласен. Поэтому мне и интересна твоя работа.

Двери лифта открылись. Демир пропустил меня вперёд. Его номер был на последнем этаже, с панорамными окнами, но я не смотрела на город. Я смотрела, как он аккуратно развернул мою картину, положил на огромную кровать с белоснежным покрывалом и встал, скрестив руки на груди, изу-

чая её.

Я замерла у двери, вцепившись в ремешок сумочки. Тишина длилась минуту, вторую. На спине уже выступил пот.

— Карина, — наконец произнёс он. — Подойди сюда.

Я сделала несколько шагов и остановилась рядом. Наши плечи почти касались. Демир чуть отстранился, и я напряглась.

— Это не любовь, — сказал он с новым оттенком в голосе. Удовольствие. — Ты слышала меня. Ты поняла.

— Я хотела быть честной.

— Честной. — он повернулся ко мне, и я оказалась зажатой между ним и кроватью.

— Да.

— И что же это? — он смотрел мне в глаза. — Твоя честная фантазия?

Я не могла лгать.

— Да.

— О ком?

Я промолчала.

— О нас?

Он приблизился и положил руку мне на талию, потом очень нежно коснулся моей щеки. Я смотрела на него, не в силах пошевелиться.

— ...Да.

— Мне очень нравится твоя честность. — он наклонился к моему лицу, и я замерла.

Он точно замечал, как я смущаюсь, но ничего не говорил.

— Ты хочешь, чтобы я купил эту картину? — неожиданно спросил он и отстранился. Я вздохнула, не понимая, облегчение это или разочарование. Скорее второе. Он дал мне полное ощущение, что сейчас поцелует. Передумал?

— Да. Ты же обещал.

— Я куплю её. Назови любую сумму.

— По себестоимости она будет стоить двадцать тысяч рублей, — сказала я.

Демир усмехнулся. Он достал телефон, быстро что-то напечатал и показал мне экран. Там светилась сумма с шестью нулями.

— Ровно столько я заплачу, если ты нарисуешь мне вторую картину.

Я уставилась на цифры. Внутри всё бушевало.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. — он убрал телефон и прошёлся по комнате, снял пиджак, бросил на кресло. Под рубашкой перекачивались мышцы спины. Он повернулся ко мне, расстегнул запонки и закатал рукава до локтей, обнажая сильные руки с тёмными волосками.

— Я хочу, чтобы ты нарисовала мне ещё одну картину для моей частной коллекции. На этот раз не фантазию. С натуры.

— С натуры? Я буду кого-то рисовать вживую?

— По памяти. Я отведу тебя в особое место, где ты сможешь вдохновиться, а потом по памяти изобразишь то, что

там произойдёт. Без прикрас.

— Ты предлагаешь... — я не могла закончить фразу.

— Я предлагаю тебе провести со мной ещё несколько дней. И тебе, и мне это будет интересным опытом.

Его пальцы снова коснулись моего лица, спустились по шее, по ключице. Я сама отстранилась. Он дёрнул бровью, но убрал руку.

— Я знаю, что вы хотите от меня, — сказала я.

— Я хочу, чтобы ты перестала себе врать. Ты хочешь этого. Я видел, как ты смотрела на меня в галерее. Я чувствовал твоё желание. Получить этот опыт.

— Это слишком быстро.

— Быстро? Ты летела в Москву, зная, что будет. Нарисовала эту картину за одну ночь, представляя мои руки на своём теле. Это было не быстро? Между нами мощная химия. Предлагаю использовать её во имя искусства.

Он прав. Я хотела этого. Все эти дни я представляла его прикосновения, его голос, его власть. Но я не собиралась становиться очередной его девочкой на час.

— Я хочу обучаться у вас, — начала я, — но у меня есть одно условие.

— Какое?

— Я не буду с вами вступать в интимную близость.

Демир удивленно склонил голову, рассматривая меня.

— И что же повлияло на твоё решение? Предложения ведь ещё не было.

— Я не хочу быть очередной использованной девушкой. Мне интересна работа и искусство. Беспорядочные связи убивают во мне творческую искру.

Он медленно обошёл меня, изучая, и остановился.

— Хорошо. Я обещаю, что не буду с тобой вступать в интимную близость и не буду предлагать этого. Мы проведём несколько дней вместе, посетим мероприятия. Но у меня тоже есть к тебе одно условие.

— Какое?

— Касаться тебя я смогу.

— Как касаться?

Демир протянул руку. Я нехотя подала свою. Он сжал мои пальцы и посмотрел мне в глаза — без улыбки, почему-то очень серьёзно.

— Вот так. Можно?

Я выдержала его взгляд несколько секунд.

— Так можно.

Он отпустил мою руку.

— Отлично. И каким будет твой ответ?

— Я согласна.

Глава 4: Тёмная вода

Я стояла у зеркала. Оставалось несколько часов до вечернего мероприятия. Чёрное шёлковое платье плотно облегло фигуру. Плечи закрыты, зато глубокий вырез и разрез до бедра. Я смотрела на себя и думала, что для него этой ткани, скорее всего, нет — он и так видел меня всю. Я провела пальцами по ключице, спустилась к ложбинке на груди. Воображение тут же нарисовало его руки на моих бёдрах, его пальцы, сжимающие шёлк. Щёки горели. Из зеркала смотрела женщина, которая уже почти перешагнула свои границы.

Я собрала волосы в хвост, оставила пару прядей у лица и нанесла на губы тёмно-вишнёвую помаду.

В дверь постучали — два раза, спокойно. Демир стоял на пороге в тёмном костюме. Волосы ещё влажные после душа. Он оглядел меня сверху вниз, не торопясь, и мне стало физически жарко.

— Ты выглядишь великолепно, Карина.

— Спасибо. Ты тоже.

Он взял меня за руку и коротко сжал пальцы. Я поняла, что вечер пройдёт под его контролем.

Машина остановилась в тихом переулке у старого особняка. За строгим фасадом скрывалось то, к чему я оказалась не готова.

Мы вошли в большой зал с хрустальными люстрами. Го-

сти в дорогих вечерних нарядах — я узнала нескольких коллекционеров. Но обслуживающий персонал меня шокировал. Девушки передвигались в чёрном кружевном белье, кожа блестела от масла. Мужчины в узких шёлковых шортах, голые татуированные торсы. У всех на шее плотные кожаные ошейники. Некоторых официантов гости держали на поводках и при этом непринуждённо беседовали. У нескольких парней и девушек во рту были кляпы, они молча разносили напитки, и на их лицах застыла пугающая покорность.

Я покраснела и прижалась к плечу Демира. Он сразу наклонился к моему уху.

— Карина, — позвал он тихо и заставил посмотреть ему в глаза. — Тебе не по себе? Мы можем уехать.

— Нет, — я покачала головой и выпрямилась. — Просто это... слишком откровенно для закрытого приёма.

— Это мир, в котором я нахожу вдохновение, — ответил он, и его взгляд стал жёстким. — Свобода формы раскрывается через подчинение. Ты ведь помнишь наш разговор в галерее?

Я обвела взглядом зал: гости трогали обнажённых официантов без тени смущения. Это была живая выставка.

— Какие ещё способы ты используешь для вдохновения? — спросила я, заглядывая ему в глаза с сомнением.

Демир коротко усмехнулся, шагнул ко мне, заставляя отступить, и навис надо мной, перекрыв обзор на зал.

— Acele etme, güzelim, — произнёс он по-турецки с лука-

вым прищуром. — Всему своё время. Я покажу тебе всё, когда ты перестанешь бояться природы моего мира. Хорошо?

От его шёпота по спине побежали мурашки.

— Хорошо, — выдохнула я, уже не желая сопротивляться этому любопытству.

Свет в зале начал гаснуть, пока всё не погрузилось в интимный полумрак. Луч прожектора выхватил сцену, на которую вышли мужчина и женщина из персонала. Заиграла музыка с низкими басами, от которых вибрировал воздух. Мы сели за столик, и Демир сразу положил руку мне на бедро — прямо на голую кожу в разрезе платья.

— У нас же был уговор, — напомнила я, сгорая от его прикосновения.

— Тебе напомнить, что моим условием было то, что я могу касаться тебя.

— Я думала совсем о другом!

— А я только об этом, — отозвался Демир, не сводя мягкого взгляда со сцены. — Если станет слишком тяжело, скажи.

Я не слушала, всё ещё в шоке от его действий и слов, что сопровождали их.

Я смотрела на сцену. Женщина в кожаных ремнях и ошейнике двигалась медленно, подчиняясь ритму. Мужчина стоял неподвижно. Она опустилась на колени, выгнув спину, и он плавно потянул за цепь, заставляя её запрокинуть голову и открыть шею. Меня затянуло это зрелище.

Пальцы Демира переместились по внутренней стороне моего бедра — медленно, дразня. Это касание ломало меня и вгоняло в краску сильнее, чем сцена. Я хотела сжать ноги, но почему-то не могла.

— Хотела бы оказаться на её месте? — неожиданно громко спросил Демир. Соседи любопытно повернули головы в нашу сторону.

Я покачала головой, хотя тело говорило об обратном.

— А если я буду держать цепь?

Я повернулась к нему. В темноте его глаза были зловеще черными.

— Я не знаю, — честно ответила я.

— Узнаешь, если решишь поработать со мной.

— Поработать как?

— По контракту. На один месяц. Взаимовыгодное сотрудничество. Что скажешь?

Я иступленно моргнула и перестала смотреть на сцену. Его пальцы поднимались выше, к краю моего белья. Я не отодвигалась, наоборот, немного подалась навстречу. Внутри всё сжалось.

На сцене мужчина развернул девушку спиной к себе, прижал, его руки легли ей на грудь. Она застонала. Мне стало невыносимо жарко. Моя рука сама оказалась на его колене, я сжала ткань брюк. Демир глубоко вздохнул, его пальцы скользнули под кружево и коснулись меня там, где было уже влажно.

— Карина, — голос его стал тише. Он смотрел на меня в упор. — Хочешь, я уберу руку?

— Нет, — выдохнула я, закрыв глаза от наслаждения, когда его пальцы начали поверхностно двигаться.

— Смотри на сцену, — приказал он, слегка надавливая. — Смотри и думай о том, что это мои руки на твоём теле, что подчиняешься ты мне.

Я тихо застонала. Он поймал мой стон губами, едва коснувшись. Но опять так и не дотронувшись до моих губ.

Его пальцы продолжали двигаться ритмично, безжалостно, доводя меня до предела прямо в полумраке при всех. Но на нас никто не смотрел — видимо, связываться с Османоглу никто не желал. От этого всё происходящее казалось ещё более нереальным.

— Ты какая-то молчаливая. Нравится такое искусство? — насмешливо улыбнулся он, когда я начала тяжело дышать от подступающей разрядки.

— Я... я хочу это нарисовать, — прошептала я сквозь дымку возбуждения.

Он резко убрал руку. Пустота показалась мне жестоким наказанием. Я посмотрела на него с упреком, но он спокойно поправил манжету.

— Всеу своё время, джаным. Теперь у твоего воображения достаточно материала.

Я закусила губу от обиды и неутолённого желания. Теперь я чувствовала болезненную зависимость от его воли. Он стал

моей ломкой — и единственным, кто мог её снять.

Зажёгся свет, гости стали расходиться. Демир подал мне руку. Я встала на слабых ногах, и он это заметил. В машине мы молчали. Он держал мою руку и гладил большим пальцем запястье, отчего кровь продолжала разгоняться. Я смотрела на ночную Москву и понимала, что за несколько часов он перевернул все мои представления о себе и об искусстве.

Демир проводил меня до номера, открыл дверь и вошёл следом. В комнате был полумрак.

— Сегодня ты увидела лишь малую часть того, что я могу тебе показать, — сказал он, остановившись в шаге от меня. — Но мне нужно твоё полное согласие на это. Если скажешь «да», пути назад не будет. Ты примешь мои условия, мой контроль и это искусство.

— А если я откажусь? — спросила я, глядя на его жёсткие губы.

— То завтра утром тебя отвезут в аэропорт, и мы больше никогда не увидимся, — ответил он спокойно, без капли угрозы.

Я понимала, что после того особняка уже не смогу вернуться к прежней жизни. Моё искусство требовало теперь этой глубины. Познав такие эмоции, я уже не смогу вдохновляться чем-то меньшим. Чем-то безобидным и поверхностным.

— Я согласна.

Он удовлетворённо растянулся в улыбке и кивнул.

— Теперь иди в душ и думай о том, что ждёт тебя завтра. Завтра я заберу тебя.

Он повернулся и вышел, оставив меня одну.

Я разделась, бросила платье на кресло и включила горячую воду. Встала под душ и прислонилась лбом к плитке, обдумывая этот вечер.

Сумасшествие. Чистое и тёмное. Меня переполняло вдохновение.

Завернувшись в халат, я подошла к зеркалу. Глаза блестели от лихорадочного ожидания завтра. Я коснулась пальцами своего отражения.

Оставалось пережить одну ночь — долгую и невыносимую.

Глава 5: Металл и кожа

Я потянулась. Между бёдер всё ещё держалось тяжёлое горячее чувство. Стоило закрыть глаза, как кожа вспоминала его пальцы. Села и рывком подтянула одеяло к подбородку. Номер был пуст: кожаная сумка на кресле, чёрный шёлк платья на полу у стула. Это был не сон. Я улыбнулась и потянулась к сумке.

Коврик для йоги лёг на паркет. Двадцатый этаж, за окном Москва — чужая, забитая машинами и серыми крышами. Вдох, руки вверх, переход в глубокий выпад, и бёдра обожгло болью. Отлично, значит, вчерашнее мне точно не приснилось. К концу часа пот тёк по спине, а голова наконец очистилась от навязчивых мыслей.

Ванная оказалась огромной, в белом мраморе. Я набрала воду, залезла по подбородок, взяла мочалку и намылила кожу, пока та не покраснела. Хотелось смыть напряжение. Не вышло. Закрыла глаза — и вернулся его силуэт: широкие плечи, жёсткие мышцы. Моя рука сама опустилась под воду. Складки были горячими, я медленно провела пальцем по чувствительному узелку. В голове всплыло, как Демир смотрел на меня вчера после мероприятия — с готовностью взять, не спрашивая. Мои бёдра начали двигаться в такт пальцам.

— Не останавливайся, — раздался над ухом низкий голос.

Я дёрнулась, выплеснув воду на мраморный пол. Демир стоял у раковины с фарфоровой тарелкой, на которой лежала тарталетка. Вошёл бесшумно. Карие глаза смотрели в упор, без тени смущения.

— Я сказал, продолжай.

Я попыталась притянуть мыльную пену на грудь, нашаривая на дне мочалку.

— Дверь была заперта! Как ты вошёл?

Он потянулся к ремню, металлическая пряжка звонко щёлкнула. Я нервно сглотнула, уставившись на него во все глаза.

— Это отель моего друга. У меня есть ключи от всех дверей. Продолжай.

Он выдернул кожаный ремень из петель, бросил на пуфик и сел на край ванны. Его большая ладонь жёстко перехватила моё лицо: пальцы легли под челюсть, фиксируя голову, большой палец вдавился в кость за ухом.

— Скажи, что не думала обо мне, когда трогала себя, — выдохнул он. От него пахло крепким кофе.

Я молчала. Горло пересохло. Его вторая рука ушла под воду, уверенно сжала мою грудь. Я вскрикнула от резкого нажима.

— Делай, что сказано.

Рука окаменела от напряжения. Я снова опустила её между ног. Про себя понимала, что могу просто сказать ему в лицо — мне это не нравится. Но не сказала. Пальцы скольз-

нули между бёдер, и я прикрыла глаза.

— Умница. Вот так. Быстрее.

Я начала двигаться быстрее, вода плескалась о его мокрый рукав. Он сжал грудь и потянул, острая боль прошила спину.

— Введи пальцы. Откройся.

Я толкнула один палец внутрь, потом второй. Быстро, грязно, тело не слушалось разума. Он вдруг убрал мою руку, и его пальцы вошли в меня одним движением. Мои бёдра рванулись вверх.

— Боже...

Свободной ладонью он зажал мне рот, протолкнул два пальца между губ и сильно надавил на язык.

— Давай, покажи, как примешь меня.

Я никогда такого не делала. Моя прежняя жизнь была слишком стерильной. Даже с моим бывшим, мы провели столько лет вместе, но я ни разу не соглашалась на оральные ласки. С ним этого не хотелось.

Демир толкнул пальцы в моём рту глубже, почти до рвотного рефлекса. Вторая его рука между моих бедер двигалась жёстко, упираясь глубоко. Ноги задрожали.

— Кончай для меня. Сейчас.

Я вцепилась пальцами в борта ванны, оргазм ударил в затылок, в глазах потемнело, внутренние мышцы судорожно зажали его руку. Он выдернул ладонь, подхватил меня под мышки и одним рывком вытащил из воды. Потоки воды хлынули на пол.

Демир перенёс меня в душевую кабину, включил верхний распылитель. Вода ударила по плечам. Он не уходил, просто протянул руку и убрал мокрую прядь с моего лица.

— Ты была прекрасна, — тихо произнёс он, разглядывая меня.

— Ты не должен был входить, — выдохнула я, но не ото-двинулась.

— Я же вчера не дал тебе того, что ты так хотела. Я не изверг. Теперь ты это знаешь.

Он наклонился, но поцелуя снова не случилось. Он словно избегал его, оттягивал. Вместо этого прижался губами к моему плечу. Его руки легли на талию, мокрая рубашка прилипла к телу, обнажая контуры пресса.

— Я не спал всю ночь, — проговорил он мне в ухо. — Вспоминал прошлый вечер, как ты стонала.

Я молчала, лицо горело.

— И что теперь? — спросила я.

— Теперь я пришёл взять своё.

— С чего ты решил, что это твоё?

Его ладони поднялись к моим рёбрам, едва задевая грудь. Кожа мгновенно покрылась мурашками.

— Какая реакция, — восхитился он. — И ты ещё спрашиваешь, с чего я решил.

Он стоял близко, но между нами всё ещё оставался этот зазор. Я видела, как он смотрит на мой рот, чувствовала тепло его дыхания, но он не торопился. Я положила ладонь ему

на грудь, ощутила частое биение сердца под мокрой тканью.
— Почему ты медлишь? — спросила я, глядя ему в глаза.
Он чуть склонил голову набок.

— Хочу, чтобы ты сама захотела этого достаточно сильно.
— Я здесь, с тобой, мокрая и голая. Куда уж сильнее.

Демир улыбнулся уголком рта, провёл большим пальцем по моей нижней губе, слегка надавил. Я приоткрыла рот, коснулась его пальца языком. Он шумно выдохнул и подался вперёд. Его губы накрыли мои, но мягко, пробуя. Никакой грубости, только медленное скольжение, лёгкое касание горячего языка. Я почувствовала вкус кофе. Его ладонь легла на мой затылок, фиксируя голову, но не давя. Он целовал так, будто изучал, — провёл языком по моим губам, проник внутрь, отступил и снова вернулся. Я подалась навстречу, углубляя нежный поцелуй, и он ответил с большим напором, но всё ещё контролируя силу. Вода стекала по нашим лицам, когда он наконец оторвался.

— Вот так, — прохрипел он тихо.

Его ладони спустились ниже и сжали мои ягодицы, прижимая к своему бедру. Я почувствовала, насколько он твёрдый там, внизу. Опустила руку, провела по его плоти через мокрую ткань брюк — он дёрнулся, перехватил мои запястья и прижал их к кафельной стене над головой. Я заёрзала, пытаясь прильнуть к нему.

— Не спеши, джаным, — прошептал он. — Время есть.
Его рот ушёл к шее, он прикусывал кожу, а я выгиба-

лась, беспомощная. Свободной ладонью он провёл по животу, остановился у лобка. Пальцы едва касались, дразнили.

— Скажи, чего ты хочешь.

— Тебя. Всего.

Он коротко улыбнулся и снова толкнул пальцы мне между ног, работая тяжёлыми кругами. Вторая рука держала талию у стены.

Я скосила глаза в сторону. Напротив висело огромное зеркало, покрытое плотным паром. В мутной серой массе наши силуэты размывались. Я глянула на его лицо в отражении — и замерла.

Его глаза были чёрными. Полностью. Ни белков, ни зрачков, две сплошные тёмные воронки.

Я начала задыхаться, тело сковал мгновенный спазм. Сердце заколотилось от необъяснимого страха.

Резко повернула голову, чтобы посмотреть на него вживую. Нормальные глаза: тёмно-карие, с чёткими белками.

— Что случилось? — он остановил руку, заметив мою напряжённую реакцию.

— Ничего, — я попыталась вдохнуть. — Просто голова закружилась. Пар. Наверное, ещё не проснулась.

Демир долго всматривался в моё лицо, потом кивнул и снова уткнулся в шею. Но всё исчезло. Внутри был остаток паники — обман зрения был слишком чётким.

Он вздохнул и взял меня за плечи, отстраняя от себя.

— Ты мне доверяешь?

— Нет, — ответила я, не соврав.

Он широко улыбнулся.

— Правильно.

Его рука метнулась к смесителю и резко повернула рычаг в сторону синего. Ледяная вода обрушилась на нас. Я вскрикнула, дёрнулась в сторону, но Демир прижал меня к стене всем телом.

Его губы впились в мой рот, язык протолкнулся глубоко, настойчиво. Я упёрлась ладонями в его грудь, пытаюсь оттолкнуть, но он держал меня крепко, кусал мои губы, не давая вырваться. Холодная вода заливала лицо, стекала по спине, а от его тела шёл жар.

Я перестала бороться и подалась вперёд, инстинктивно прижимаясь к единственному источнику тепла. Он прошипел сквозь поцелуй:

— Тянешься ко мне. Скоро научишься и доверять.

Он целовал меня до потери дыхания, а я уже сама вцеплялась в его плечи. Через пару минут он выключил воду. Мы стояли, тяжело дыша. Такого я ещё не испытывала.

— Выходи, — он протянул мне полотенце. — Простудишься.

Я замоталась в теплое полотенце. Он накинул второе на мои плечи и встал позади у раковины. Я вытерла зеркало ладонью: лицо румяное, губы искусаны. На груди перекрутился маленький золотой крестик, мамин подарок. Замок сполз вперёд и заклинил. Я попыталась расстегнуть, но мокрые

пальцы скользили по металлу.

— Давай помогу, — предложил Демир сзади.

Я опустила руки. Его длинные пальцы легли на мою шею. Я вздрогнула. Они были горячими.

Он действовал аккуратно, но стоило его коже коснуться золотого распятия, как он резко, со свистом втянул воздух сквозь зубы. Цепочка лопнула, металл упал на мраморный пол.

— Чёрт, — выругался он, отступая на шаг.

Я обернулась. Демир стоял у стены, судорожно сжимая правую ладонь. Его лицо перекосило от боли, он шипел сквозь зубы грубые турецкие слова.

— Демир? Что такое?

Он не смотрел на меня, уставившись на свою руку. Я опустила взгляд: прямо посреди ладони наливался воспалённый след, кожа вздулась белыми волдырями, в точности повторявшими форму моего крестика. Будто он схватил кусок раскалённого железа.

— Господи, ты обжёгся?? — я потянулась к его запястью. — Как это вообще случилось?

— Не трогай меня, — огрызнулся он, но его лицо тут же разгладилось. Он взял себя в руки. — Это моя ошибка. Зацепил замок слишком сильно. Извини, что порвал. Я куплю тебе новую цепочку.

Это было бредом: как он мог так обжечься? Какой-то уникальный вид аллергии на золото?

— Дай посмотрию, — я всё же взяла его за руку. Кожа была неестественно горячей, будто под ней горел уголь.

Я уставилась на его раскрытую ладонь. Ожога больше не было — лишь лёгкое покраснение, и оно проходило прямо на глазах.

— А где ожог? Я же видела своими глазами...

Он посмотрел на меня в упор, затем поднял левую руку и медленно провёл большим пальцем по моей скуле.

— Прости.

— За что?

Он отпустил моё лицо и шагнул к двери.

— Мне пора. Через час у меня встреча. Собирайся пока. Лука будет внизу ровно в двенадцать.

— Демир...

— Я опаздываю, — отрезал он уже абсолютно деловым, холодным тоном.

Дверь ванной захлопнулась, через пару секунд послышался щелчок входной двери. Номер затих. Я осталась одна.

На кафеле у стока блестел мой золотой крестик. Я наклонилась, подняла. Пальцы легко справились с замком, но цепочка была разорвана, сломана. Я сжала её в кулаке. Или я схожу с ума, или...

Глава 6: Полёт над шипами

Лука постучал ровно в двенадцать. Я стояла перед зеркалом и пыталась застегнуть мелкие пуговицы на манжетах. Платье привезли утром курьером от помощницы Демира — изумрудный шёлк, голая спина до поясницы. Демир Османоглу явно любил раздевать женщин не только взглядом. Ну и пусть, когда ещё доведётся походить в таких нарядах.

— Карина, — голос Луки из-за двери, — Демир-бей просил передать, что встретит вас на месте. Он задерживается на переговорах, но вас уже ждут.

Я бросила в крошечную вечернюю сумку помаду, зеркальце, телефон и вышла в коридор.

Особняк прятался в тихих переулках за Патриаршими. Тяжёлая готика, острые шпили, кованые ворота в шипах. Плющ намертво врос в каменную кладку, и идти по дорожке на каблуках было неудобно. Дворецкий с прямой спиной встретил меня у порога, уточнил имя и открыл дубовую створку.

Внутри оказалось просторно и сумрачно. Готические своды давили высотой, свет проходил сквозь цветные витражи и оставлял на каменном полу багровые и синие пятна. На необработанных стенах висели холсты без рам — Климт, Дали, пара современных концептуалистов. Под люстрой-короной тянулся длинный стол под чёрной скатертью. Гостей собра-

лось около сорока: мужчины в смокингах, женщины в шёлке. Я сразу узнала известного скульптора, чьи бронзовые торсы видела в каталогах, и главного критика ведущего арт-журнала. Мой внутренний художник машинально фиксировал пропорции, позы, лица.

Ко мне подошла Лидия, куратор московских проектов Демира. Её красное платье с глубоким вырезом выглядело агрессивно на фоне серых стен.

— Карина, здравствуйте. Демир столько о вас рассказывал. Я Лидия. Рада, что вы доехали.

Я кивнула, и она взяла меня под локоть, увлекая в толпу, сыпля именами, представляя галеристам и коллекционерам. Постепенно скованность ушла, сменившись профессиональным азартом. Седобородый мужчина из Лондона заговорил со мной о выставке, которая прошла онлайн накануне.

— Ваш «Предел доверия» — чистая пластика тела, — похвалил он, пригубив бокал. — Слышал, Османоглу забрал его в личную коллекцию?

— Да, мы закрыли сделку вчера, — я взяла с подноса проходящего официанта бокал. Холодное вино обожгло горло, напряжение отступило. Я рассматривала этих людей, их жесты, дорогие ткани, ловила обрывки фраз об объёмах, свете и аукционных торгах. Это был мир, куда я стремилась, и дверь сюда открыл один конкретный человек.

Я достала телефон. Экран был пуст — ни сообщений, ни пропущенных. Набрала номер Демира. Длинные гудки пере-

шли в автоответчик на турецком, из которого я не поняла ни слова. Сбросила, повторила — снова ничего.

— Он задерживается, — Лидия коснулась моего плеча, заметив взгляд на экране. — Демир-бей обожает эффектные появления, он строит на этом драматургию своих выставок. Не переживайте.

— Я и не переживаю.

Раздражение всё-таки кольнуло. Он обещал быть рядом, вести меня за руку через этот серпентарий. И где он?

Спустя час свет в зале начал гаснуть. Люстры тускнели одна за другой, углы тонули в полумраке. Луч прожектора выхватил дальнюю стену, где висело полотно под чёрным бархатом. Зал затих. Из тени вышел Демир в сером свободном костюме, волосы зачёсаны назад, чёткая линия подбородка. Он быстро поймал мой взгляд в толпе и едва заметно улыбнулся.

— Добрый вечер, дамы и господа, — его голос заполнил пространство под сводами. — Спасибо, что разделили со мной этот вечер. Сегодня я покажу то, что заставило меня переосмыслить современную эротическую живопись. В Петербурге я встретил работу, поразившую честностью — не формой, а смелостью обнажить внутренний хаос. Истинная страсть не имеет права оставаться анонимной. Сегодня вы увидите эту картину в завершённом виде.

Он повернулся к работникам зала и коротко кивнул. На другой стороне висело завешенное полотно. Работники дёр-

нули за шнур, бархат рухнул вниз. Я чуть не подавилась вином: на трёхметровом холсте висел мой «Предел доверия», только увеличенный. Композиция и свет прежние, но вместо размытых, слепых лиц теперь отчётливо проступали мы. Мой профиль с запрокинутой головой, напряжённая шея, рельеф ключиц — и его ладонь, сжимающая моё горло. Его пальцы, его губы у моей щеки. Наша страсть, зафиксированная маслом на холсте на обозрение незнакомцам.

Я прижала ладонь к губам. Зал ответил дружным вздохом, мгновенно перешедшим в шквал аплодисментов.

— Я попрошу автора подняться ко мне, — Демир смотрел прямо на меня, его глаза блестели в луче прожектора.

Лидия мягко подтолкнула меня в спину. Ноги отказывались идти, но я двинулась вперёд сквозь ряды повернувшихся лиц. Демир протянул руку у края сцены, поймал мои пальцы и крепко сжал.

— Карина Евсеева, — объявил он в зал, помогая мне подняться. — Художник, который не боится откровенного искусства. Прошу любить.

Толпа взорвалась овацией. Он приобнял меня за талию, прижимая к боку. Я чувствовала его жёсткое бедро и запах парфюма с нотами табака.

— Сцена — определённо твоё, — прошептал он мне в волосы, почти касаясь губами уха.

— Мог бы предупредить, — выдохнула я, удерживая вежливую улыбку.

— Сюрпризы раскрывают истинную пластику чувств. Ты ведь в восторге, или я не прав?

Он был прав. Страх испарился, осталось только радостное возбуждение.

Ужин накрыли в соседней галерее, столы стояли буквой «П». Возле каждого прибора лежала миниатюрная копия моей картины, свёрнутая в свиток и перевязанная чёрной лентой, — сувенир гостям. Демир сел рядом, отслеживал мою реакцию. Официанты разносили утку с брусничным соусом и трюфельное пюре, но еда меня не интересовала. К нам подходили, поздравляли, владелица миланской галереи предложила обсудить даты персональной выставки. Я отвечала на автомате, пока не почувствовала его ладонь на своём колене.

Вспышка горячих мурашек прошла по телу. То, что он делал со мной в ванне, сразу всплыло перед глазами. Его пальцы уверенно сжались, будто прочитав мои постыдные мысли.

Демир продолжал спокойно беседовать с соседом слева, лицо непроницаемое, но рука двинулась вверх по моему бедру, задирая подол платья. Я инстинктивно сжала колени, пытаясь остановить этот манёвр, но лишь сильнее зажала его ладонь между ног. Уголок его губ чуть дернулся. Ему определённо нравилась эта пытка.

— Карина, вам нехорошо? Вы внезапно покраснели, — спросила женщина напротив.

— Всё в порядке, просто здесь немного душно, — выдавила я, хватаясь пальцами за край стола.

Его пальцы скользнули выше, надавливая на кружево белья. Внутри всё отозвалось мгновенным влажным толчком. Он нажал сильнее, массируя чувствительное место сквозь ткань, дыхание перехватило. Я прикусила губу, чтобы не застонать при всех. Под столом царил полумрак, свечи давали слабый свет, скрывая это от чужих глаз. Его пальцы попытались сдвинуть кружево, не вышло, я сместилась назад. Это было невыносимо.

Я резко поднялась, отодвинув стул с громким визгом ножек о паркет.

— Прошу прощения, мне нужно освежиться, — я почти побежала к выходу, спиной чувствуя его тяжёлый, торжествующий взгляд.

В туалетной комнате я оперлась руками о раковину и закрыла глаза. Тело крупно дрожало, бельё промокло насквозь. Я достала из сумочки вишнёвый тубик, точными мазками вернула контур губам, поправила волосы. Наваждение уступало место трезвому осознанию: мою работу увидели те, чьё мнение решает судьбы в мире искусства. Миланская галерея, контракты, признание! Всё, к чему я шла годами через безвестность и дешёвые мастерские, сейчас лежало передо мной. Благодаря его воле и его деньгам. Он стал моим волшебником. Джинном.

Я улыбнулась отражению и вышла в коридор. В банкетный зал не вернулась — ноги понесли дальше по анфиладе особняка. Хотелось разглядеть каждую деталь и комнату этого

загадочного места.

Готические полуарки, тяжёлые портьеры, приглушённый свет бра. Я разглядывала кладку, фактуру гобеленов, теряя счёт поворотам. Заблудилась. В конце тёмного коридора оказалась приоткрытая дубовая дверь, я толкнула её и вошла.

Библиотека занимала два этажа. Стеллажи уходили вверх, к балкам потолка, забитые тысячами корешков. Пахло старым пергаментом, деревом и почему-то ладаном. В центре стояли мольберты со странной живописью: на одном чернокрылый ангел на коленях перед обнажённой женщиной, на другом демон сжимал человеческое тело в экстатическом объятии. Дикая, библейская анатомия страсти. В мазках чувствовалась древняя сила.

Я вытянула с полки тяжёлый фолиант в потрескавшейся коже — книга об эзотерике и символизме. Перелистывая пожелтевшие страницы, наткнулась на старинную гравюру: существо со звериным телом и человеческим лицом, глаза вырезаны на бумаге чёрными точками.

Телефон в сумочке ожил, я подскочила.

«Возвращайся к столу. Обещаю держать руки на столовых приборах» — сообщение от Демира.

Я сфотографировала гравюру и отправила ответ: «Не могу. Я в библиотеке. Заблудилась».

Статус сменился на «прочитано» мгновенно, но ответа не последовало.

Я вернула книгу на место и подошла к огромному стрельчатому окну с витражом. Внезапный порыв ветра толкнул створку, тяжёлая штора взметнулась, с карниза сорвалась ворона с жутким карканьем. Я вздрогнула, быстро захлопнула окно, отсекая ночной гул.

Взять очередную книгу не успела. Чья-то рука намотала мои волосы на кулак и дёрнула голову назад. Спина упёрлась в твёрдую широкую грудь. Знакомый одеколон ударил в нос.

— Демир, — взволнованно выдохнула я, теряя опору.

Он не ответил. Его губы впились в мою шею, зубы прикусили кожу у основания плеча, я застонала, выгибаясь в его хватке. Одним движением он развернул меня лицом к себе и смял губы тяжёлым поцелуем. Язык ворвался в рот, исследуя нёбо, я вцепилась в лацканы его пиджака, улыбаясь сквозь поцелуи.

Я знала его неделю. Но каждый раз, когда он касался меня, по телу проходил разряд — тысяча мурашек от затылка до поясницы. Это не поддавалось логике. Я не верила в судьбу, но он снился мне раньше, до встречи. Я просыпалась среди ночи с ощущением чьего-то тёплого, давящего присутствия и сгорала от страсти к тому, кого ещё не знала. Без лица — только голос, только тень, только чувство, что он рядом. А теперь у этой тени были глаза Демира, руки Демира, губы, которые только что прикусили мою кожу.

Демир оторвался от меня, прошёл к стрельчатому окну и толкнул створку. В комнату ворвался холодный ночной воз-

дух, заставляя меня поежиться.

Он повернулся, взял меня за талию и легко, одним движением, поднял и усадил на широкий каменный подоконник. Моя спина оказалась обращена к открытому проёму, за которым чернел сад. Я инстинктивно схватилась за деревянную раму, пальцы впились в старую краску.

— Ты с ума сошёл? Там же высоко, я упаду.

— Не упадёшь.

— Демир, я не хочу тут сидеть.

Он шагнул вплотную, его бёдра раздвинули мои колени, а ладони легли на ягодицы и жёстко сжали их, подтягивая меня ближе к себе.

Я отклонилась назад, в раскрытое окно, и холодный воздух лизнул голую спину. Демир наклонился и прикусил мою грудь прямо через шёлк платья — резко, до короткой вспышки боли.

— Пожалуйста, не надо!

— Ты же согласилась провести со мной несколько дней, обучаясь, — томно произнёс он, не отрывая губ от ткани.

— И чему ты обучаешь меня сейчас?

— Тому же, что и вчера. Пределу доверия. Расслабься и попытайся не думать о высоте. Смотри на меня.

Его руки скользнули под подол, стянули с меня бельё и отбросили в сторону. Я вцепилась в его плечи мёртвой хваткой. За моей спиной был провал в три этажа, а внизу угадывался сад и кованая ограда с острыми пиками.

Он опустился передо мной на колени, его плечи раздвинули мои бёдра шире. Горячее дыхание коснулось обнажённой плоти, и почти сразу твёрдый язык прижался к самому центру. Я вскрикнула, зажимая рот ладонью. Он вылизывал жёстко, ритмично, концентрируясь на набухшем узелке, и одновременно его рука сжала мою грудь, нащупав через шёлк.

Я подалась тазом вперёд, но потеряла равновесие и инстинктивно упёрлась коленом в его затвердевшее бедро, пытаясь зафиксироваться. Демир зарычал в ответ и толкнул меня ладонями в бёдра — ближе к окну. Теперь я сидела наполовину в открытом проёме, ветер обдувал лопатки, а в затылок дышала пустота. Если сорвусь, то полечу на чугунные острия. Эта мысль до одури пугала.

— Демир... — голос сорвался в шёпот, но это не было просьбой остановиться. Скорее наоборот.

Он ввёл два пальца внутрь, растягивая меня, и резко ускорил темп языка. Мой страх смешался с наслаждением в такой гремучий коктейль, что оргазм накрыл почти мгновенно. Тело выгнулось дугой, пальцы соскользнули с рамы, и в какой-то момент я действительно ощутила, что лечу — но его рука тут же перехватила меня за талию, вжимая в каменный подоконник. Я задыхалась, путаясь пальцами в его густых волосах, пока последние спазмы не отпустили. Мышцы судорожно сжимались вокруг его пальцев, а снизу, из сада, доносился только шум ветра и пение птиц.

Демир поднимался медленно, его губы блестели в полумраке. Я смотрела и запоминала — чтобы потом нарисовать. Он небрежно провёл тыльной стороной ладони по подбородку, стирая мою влагу, затем взял меня за талию и снял с подоконника. Ноги сразу подкосились, он придержал меня, прижимая к себе.

— Вот теперь ты понимаешь, что такое не думать об опасности и выбирать наслаждение, — сказал он тихо. — Идём.

— Я не могу, — выдавила я. — Растрёпанная, выгляжу ужасно.

Я опустила взгляд на свои бёдра, потом оглянулась на пол библиотеки — белья нигде не было. Только теперь до меня дошло, что он стянул его и куда-то дел.

— И нижнего белья нет, — добавила я тише, проводя ладонями по платью, будто это могло что-то исправить. — Ты куда его дел?

Демир стоял, прислонившись плечом к книжному стеллажу, и просто наблюдал за моими поисками с лёгкой улыбкой. Потом медленно запустил руку в карман пиджака и вытащил оттуда скомканное кружево.

— Его ищешь? — спросил он.

Я шагнула к нему, протянула руку, но он поднял кружево выше, не давая дотянуться.

— Отдай.

— Оно останется у меня, — сказал он спокойно, глядя мне в глаза.

Потом поднёс ткань к лицу, шумно вдохнул, не разрывая зрительного контакта, и снова убрал в карман. Я развернулась и пошла к выходу из библиотеки, злая, взбешённая его самодовольством. У самой двери его ладонь с громким шлепком опустилась на мою ягодицу. Я содрогнулась от бешенства. Обернулась, готовая высказать всё, что думаю, но он тут же притянул меня к себе, ловя за локоть.

— Ты чертовски сексуальна, когда злишься, — произнёс он мне в ухо.

Я дёрнулась, но он уже отпустил, будто ничего не было.

Демир достал из кармана белоснежный накрахмаленный платок, аккуратно стёр остатки помады с моих губ, поправил сбившиеся локоны. Взял за подбородок и оглядел с довольным прищуром.

— Теперь идеально. Идём?

Я посмотрела в его тёмные глаза. В этот момент я отчётливо понимала, что готова подписать любой контракт и пойти с этим мужчиной куда угодно. Он дал мне то, чего не мог дать никто другой: чувство, что я наконец живу по-настоящему. Ярко. Остро. Задыхаясь от наслаждения.

После дневного триумфа и безумия в библиотеке возвращение в отель казалось передышкой. Демир уехал на закрытую встречу, оставив короткое распоряжение шофёру и коробку с очередным платьем на завтра. Какое мероприятие — он не сказал. Я просто знала, что это будет наш последний день вместе. На большее мы не договаривались. Очередной

сюрприз. Я уже начинала к ним привыкать.

Глава 7: Слово, которое убивает

ДЕМИР

Я не позволял себе думать о том, как пересплю с ней. Эта фантазия становилась невыносимой, затопляла сознание жаром. Поэтому я разрешал себе только руки. Только касаться. Изучал её нежную кожу кончиками пальцев, как древний манускрипт, боясь повредить. Проводил по внутренней стороне бедра, чувствуя, как проступает гусиная кожа, как вздрагивают мышцы под моей ладонью. Смотрел, как она приоткрывает рот и сладко стонет. Этот звук до сих пор стоял в ушах, заглушая шум дождя по стеклу машины. Вспоминал, как она выгибалась, запрокидывая голову, и на шее проступала голубая нить вены. Хотелось прижаться к ней губами и почувствовать пульс языком. Но я держался из последних сил. Ждал.

Лука кашлянул с переднего сиденья, возвращая меня в реальность. Я перевёл взгляд на его затылок, на аккуратную стрижку и слишком туго застёгнутый воротничок рубашки. Мой ассистент нервничал: барабанил пальцами по рулю в такт дворникам и косился в зеркало заднего вида.

— Эфенди, Ингрид прилетела утренним рейсом, ждёт вас в отеле. — Он помолчал. — Выглядит, скажем так, не лучшим образом.

Я хмыкнул. Ингрид. Тридцать шестая муза с пепельными волосами и повадками дикой нордической кошки. Я разорвал контракт чуть больше недели назад в деревянном коттедже у фьорда, оставив её среди смятых простыней. Она должна была понять. Все они в конце концов понимали, что больше не нужны.

Лука снова заговорил, осторожнее:

— Она устроила скандал в лобби отеля. Охрана пыталась выпроводить, но она кричала, что не уйдёт, пока не увидит вас. Я решил, что проще организовать короткую встречу, чем вызывать полицию.

— Ты правильно сделал, Лука.

Мысли о Карине отступили, уступая место холодному, ленивому раздражению. Я не любил повторных визитов своих бывших муз. Контракт был составлен так, чтобы исключить неясности: тридцать три дня, никаких продлений, никаких контактов после. Ингрид стала самой востребованной молодой художницей Норвегии за три месяца, её работы покупали коллекционеры от Осло до Нью-Йорка. Чего ещё не хватало?

— С Кариной что-то изменилось? — Лука умел чувствовать, когда меня лучше отвлечь.

— Ничего. Продолжай наблюдение. Мне нужна информация о каждом её шаге, о каждом человеке, с которым она говорит. Выясни, что она любит, что слушает. Сколько... — я осекся, сжав зубы. — Сколько мужчин её касались до меня.

— Разумеется.

Машина свернула на набережную, сквозь дождь проступил фасад отеля, подсвеченный золотыми огнями. Швейцар бросился с зонтом, я ступил на мокрый асфальт и вдохнул влажный воздух. Мне здесь определённо не нравилось. Сырость, пасмурность. Не моё. Но моя муза была здесь. И я был обязан вытерпеть эту скверную погоду ради неё.

Мы поднялись в мой пентхаус. Номер с высокими потолками и панорамными видами, тяжёлые бархатные портьеры, в искусственном камине тлели угли. Ингрид стояла у стола, сжимая бокал с прозрачным — водкой или водой. Зная её, скорее, первое.

Она обернулась, и я внутренне поморщился. Осунувшееся лицо, сероватая кожа, тёмные круги под глазами, проступающие даже сквозь небрежный тональный крем. Волосы, когда-то пепельные и блестящие, висели сальными прядями, собранными в кривой пучок. Одежда мягкая, несвежая. От той холодной скандинавской валькирии не осталось и следа — передо мной стояла женщина на грани истерики, с лихорадочным блеском в зрачках и подрагивающими губами.

— Демир, — выдохнула она и бросилась ко мне, её кулаки заколотили по моей груди с отчаянной силой. — Ты! Ты отнял у меня всё!

Я перехватил оба запястья одной рукой, грубо сжал, а второй толкнул её в плечо. Не сильно, но достаточно, чтобы она отлетела спиной на кровать. Ингрид попыталась вскочить, я

надавил ладонью на её ключицу, прижимая обратно.

— Ты ошибаешься, — произнёс я ровно. — Я дал тебе то, чего ты хотела. Ты самая успешная художница в своей стране, у тебя выставки, контракты, пресса. Ты получила всё по договору.

Она замотала головой, разбрызгивая слёзы по щекам.

— Моё имя — пустой звук! Ты отнял у меня вдохновение! Я сажусь перед холстом и вижу серую пустоту. Я больше ничего не могу придумать сама, только копирую старые работы. Ты высосал меня, выпил всё, что было внутри, и выбросил оболочку!

Я смотрел на неё сверху и чувствовал только усталость. Сколько раз я слышал эти слова на разных языках, в разных декорациях. Музы всегда верили, что можно получить дар, ничего не отдавая взамен. Они не понимали простой истины: сделка есть сделка.

— Это не мои проблемы. Ты сама подписала контракт, ты читала каждый пункт. Тридцать три дня. Никто не тащил тебя силой.

Она замерла, тяжело дыша, потом улыбнулась — криво и жутко.

— Ты думаешь, это конец? На следующей неделе я даю интервью. Большое, центральная пресса. Расскажу им всё: про твои контракты, про то, как ты спишь с каждой новой музой, про твои фетиши, про то, что ты заставляешь нас рисовать! Думаешь, хоть одна женщина после этого захочет

приблизиться к тебе?

Она говорила быстро, почти захлёбываясь слюной, и в глубине её глаз стояла искренняя вера в то, что эта угроза может меня напугать.

Я молча наклонился, запустил руку в карман её куртки и извлёк телефон. Экран светился красной точкой записи. Ингрид дёрнулась, но я размахнулся и швырнул телефон в стену, целясь в угол, где каменная кладка выступала из-под обоев. Корпус раскололся с треском, пластик и стекло брызнули на пол, красная точка погасла.

— Нет!!!

— Думала, я не пойму, зачем ты пришла? — мой голос прозвучал почти ласково. — Это так наивно с твоей стороны.

Она побледнела так, что на скулах проступили пятна румянца. Я наклонился ближе.

— В контракте есть пункт седьмой, подраздел «б». Ты обязалась молчать о сделке до конца своих дней. Если согласишься, конец твоих дней наступит раньше. Винить будешь только себя.

Она рассмеялась — истерично, высоко, похоже на всхлипы зверя.

— Ты убьёшь меня, Демир?? Прямо здесь? Своими руками?

Я выпрямился и посмотрел на свои ладони, потом снова на неё.

— Не своими. И не сейчас. Может пройти неделя, месяц,

полгода. Ты выйдешь на улицу, и тебя собьёт машина. Или подавишься ужином. Или просто не проснёшься. Несчастный случай. Я буду за тысячу километров. Полиция закроет дело, пресса поплачет о молодом таланте, мир забудет тебя через пару газетных полос. Подумай, стоит ли оно того.

Я поднял с ковра осколок телефона с сим-картой и спрятал в карман. Ингрид смотрела расширенными зрачками, в которых плескался сырой ужас — тот самый, что живёт в людях с тех пор, как они ютились в хижинах и боялись темноты. Я знал этот взгляд. Видел его бессчётное количество раз на лицах богатых и нищих, святых и грешников.

Ингрид медленно сползла с кровати, ноги подогнулись, она рухнула коленями на пол и вцепилась пальцами в мои брюки.

— Прости меня, — заскулила она тонким голоском. — Я не хотела тебе угрожать, я просто схожу с ума. У меня внутри пустота, огромная чёрная дыра, она засасывает все мысли. Демир, пожалуйста, я всё сделаю, уеду, буду молчать. Только не отнимай последнее.

Она хваталась за ткань моего пиджака, пальцы дрожали в лихорадке. Я смотрел на эту женщину, которая неделю назад казалась воплощением северной гордости, и чувствовал скуку. Сколько раз я наблюдал эту сцену в разных странах, в разных локациях. Они молят о пощаде, когда им страшно, а не когда они раскаялись.

Я высвободил ногу и направился к двери. У порога обер-

нулся: Ингрид стояла на коленях, сторбленная, жалкая, по щекам текли чёрные дорожки туши.

— Уезжай в свою страну, сиди тихо и наслаждайся материальными благами. Духовные к тебе больше не придут: ты обменивала их на славу. Таковы правила. — Я взялся за ручку и добавил, не оборачиваясь: — А прощения проси у Бога. Может, услышит. Хотя, откровенно говоря, сомневаюсь.

Я вышел в коридор и плотно прикрыл дверь, отсекая звук её рыданий. Лука ждал у лифта с безучастным видом.

— Завтра она должна покинуть страну, — сказал я, нажимая кнопку вызова. — Если задержится, сообщи.

— Будет сделано.

Лифт загудел, унося нас вниз. Ингрид была эпизодом. Очередной пустышкой. С Кариной всё обстояло иначе. Я пока не знал, в чём именно заключается эта инаковость, но ощущал её костями, кровью, каждой клеткой тела. Возможно, поэтому я медлил. Не предлагал контракт. Просто наблюдал, как она ходит по галерее, как разговаривает с посетителями, как поправляет волосы, не замечая моего взгляда из тени.

Всему своё время. Я умел ждать. За много лет это ремесло оттачивается до совершенства.

Глава 8: Медная душа

СОН КАРИНЫ

Мне снился Рим. Моё сознание, выдрессированное на лекциях по классической живописи и законах светотени, мгновенно узнало этот безупречный холст, залитый блёклым лунным светом. Ещё недавно я перебирала старые эскизы и размышляла об отпуске в Италии, мечтая побывать в охристых тонах старой архитектуры. Но подсознание выдало мне не открыточную страну с суетливыми туристами у фонтана Треви. Оно швырнуло меня в нечто древнее и пугающее. Монументальное.

Это был город времён зарождения христианства — суровый, высеченный из серого травертина, с узкими улочками, по которым маслянистыми змеями стекала дождевая вода. И самое странное: я смотрела на этот мир не своими глазами. Я была в нём. В мужском теле.

Я ощущала чужую тяжёлую плоть. Плечи, которые казались неподъёмными. Ладони, широкие и огрубевшие от работы, покрытые старыми мозолями. На мне висела жёсткая туника, пропахшая костром, а на груди при каждом вдохе покачивался простой деревянный крест. Мужчина, в чью оболочку я попала, был служителем культа, целителем. Одним из тех, кого толпа называла «божьиими людьми». Моё прикос-

новение обладало физической текстурой тепла: оно снимало лихорадочный бред, затягивало раны и успокаивало безумие.

Днём я жил в чистом, пастельном мире человеческой благодарности. Ко мне шли сотни, я клал ладони на горячие лбы, и сквозь пальцы струился свет — прекрасный, золотисто-белый, как лучи солнца. Я любил этот мир, каждую морщину на лицах матерей, каждую ссадину на коленях чума-рых мальчишек.

Но с темнотой всё менялось. Ночью я становился обычным мужчиной.

Я возвращался в дом на окраине, где пахло хлебом и сухой лавандой. Там меня ждала жена. Её волосы отливали диким мёдом, а глаза всегда излучало добро. Я сбрасывал тунику, и святость осыпалась с меня, как шелуха. Ложился рядом с женой, принимал ласку её рук — они скользили по моей груди, животу, спускались ниже, туда, где уже собирался голод по её теплу.

В ту ночь мы любили друг друга с отчаянной жадностью. Я помню, как её тело прогибалось под моими пальцами — горячее, податливое. Она глушила стоны подушкой, чтобы не разбудить детей за перегородкой, и эти сдавленные звуки действовали на меня сильнее крепкого вина. Я вошёл в неё медленно, до самого конца, чувствуя, как мышцы внутри судорожно сжимаются вокруг меня, а ногти оставляют борозды на лопатках. Она шептала «ещё, умоляю», запрокидывая

голову, и я терял контроль, ускорялся, превращая движения в глухую яростную пульсацию. Оргазм накрыл нас одновременно, я кончил, уткнувшись лицом в изгиб её шеи, и всё тело содрогалось от финальных спазмов.

А потом в дверь постучали.

— Господин, проснитесь, это срочно, — взволнованный голос помощника за деревом.

Я сел, рывком натянул тунику. Жена прижала простыню к груди, испугавшись ночного визита. В коридоре ждали трое братьев из монастыря, бледные до синевы.

— Господин, там, в главном зале, сам Сатана, — выдохнул один, крестясь трясущимися пальцами.

— Не неси ереси, — оборвал я, затягивая пояс, хотя уже почувствовал неладное. Чтобы все трое пришли. Такого ещё не было.

Перед выходом я заглянул к детям. Они спали на одной постели, свернувшись калачиком, — старшая сжимала игрушечную лошадку, младший сосал палец. Я перекрестил их и запомнил эту картину.

На улице бушевала буря, ледяной дождь хлестал по лицу, дорога превратилась в месиво. Мы поднимались к монастырю на холме, его почерневшие стены казались зловещим силуэтом на фоне неба. У входа толпились монахи, их молитвенный шёпот сливался с ветром.

— Мы не смогли войти, стены вибрируют от его ярости, — старый настоятель схватил меня за рукав.

Из-под дверей главного храма пробивался не мягкий свет лампад, а агрессивный багрово-алый. Я взял Библию, тяжёлое золотое распятие и флягу со святой водой, приказал открыть створки.

Когда двери распахнулись, в лицо ударила волна жара. Я переступил порог. Зал храма выглядел как гротеск: древние фрески словно плакали, лики святых исказились, из уголков нарисованных ртов стекала чёрная желчь. В центре, перед осквернённым алтарём, стояла фигура.

Он был скован по рукам и ногам массивными чёрными цепями, вбитыми в каменные плиты пола. При каждом движении железо издавало звон. Он стоял полностью обнажённый. Длинные угольно-чёрные волосы закрывали лицо.

Я медленно обошёл его по кругу.

— Я знаю, что ты слышишь меня, — сказал я, поднимая распятие.

— А я знаю, что ты сегодня умрёшь, — прорычал он.

Он повернул голову, волосы рассыпались по плечам, и я увидел лицо. Острые скулы, черные губы в издевательской усмешке.

— Ты ведь целитель? Забираешь чужую боль своим фальшивым светом. Но ты хоть раз думал, откуда она берётся?

— Источник любой боли — ты, — отрезал я, продолжая держать распятие перед ним.

— Она из их собственных грязных душ. Я лишь зеркало, святоша. Я не создаю похоть, я убираю рамки. Чего хочешь

ты, целитель, когда сжимаешь крест в кулаке?

Я молчал. Под его взглядом мои щиты рушились.

— Ты хочешь, чтобы твоя жена кричала громче, когда ты берёшь её на потной постели. Чтобы каждая прихожанка смотрела на тебя с животным вожделением. Ты жаждешь власти, — его шёпот завораживал.

— Замолчи. Я не поддамся твоему коварству.

Он запрокинул голову, и я увидел его глаза. Чёрные без белков, и вместо зрачков — вертикальные щели. Я вскинул крест, заглушая его слова латынью, и из пальцев вырвался золотой свет, вступая в контраст с багровым маревом.

— *EXORCIZAMUS te, omnis immundus spiritus!* (Заклинаем тебя, всякий нечистый дух!) — мой крик ударил под своды.

Демон забился в оковах, его бронзовая кожа начала трескаться, изнутри пробивалось пламя. Я наступал, выкрикивая строки обряда, и свет выжигал на нём кровавые борозды.

— *Omnis satanica potestas, omnis incursio infernalis adversarii!* (Всякая сатанинская сила, всякое нападение адского врага!)

Он закричал — этот звук расколол деревянные створки и лавки. Воздух наполнился сладковатым запахом серы.

— *Ergo, draco maledicte, adjuratus te, cessa decipere humanas creaturas...* (Итак, проклятый дракон, заклиная тебя, перестань обманывать человеческие создания...)

Я подошёл к нему вплотную, жар от его тела опалял лицо.

— Я не вернусь во тьму! — его громогласный рёв отда-

ленно напомнил мне обреченный плач человека.

— *Vade, satana, inventor et magister omnis fallaciae! Humiliare sub potenti manu Dei!* (Изыди, сатана, изобретатель и наставник всякой лжи! Смирись под могучей рукой Бога!)

Его плоть осыпалась серым пеплом, но лицо оставалось нетронутым — гордым и прекрасным. В чёрных глазах горела неукротимая искра.

— Назови своё имя, тварь, — потребовал я, занося руку.
— Чтобы я запечатал тебя в бездне.

— Не скажу, — прохрипел он, захлёбываясь чёрным дымом. — Только медная душа знает, как меня зовут.

Я замер. Медная душа. Это был не первый демон, которого я изгнал. В прошлый раз мне удалось вытянуть целое признание из уст высшей inferнальной сущности. Слова демона всплыли из глубины сознания:

«Оккультист иного мира связал нас, чтобы призывать, когда вздумается. Третий царь оазиса — это он собрал медные души и привязал к ним таких, как я. Им делают больно, мы чувствуем, мы приходим. Я здесь только потому, что моей медной душе было больно. Я нашёл её и убил, чтобы освободить от боли. И только она знает моё настоящее имя».

Я вспоминал, перебирая в уме обрывки знаний. Демона можно изгнать, только зная его имя, а имя этого демона знала лишь та, кого он уже убил. Они находят свои медные души из поколения в поколение. Эта связь дает им силы оста-

ваться в этом мире. Но что будет, если попытаться эту связь нарушить?

— Не скажешь свое имя — я найду другой способ, — ответил я и перестал колебаться.

Я сжал распятие в кулаке, острый край впился в ладонь, и кровь побежала по пальцам. Затем я сорвал с пояса флягу со святой водой, смешал её со своей кровью прямо в горсти и резким движением плеснул эту смесь в лицо демона. Капли попали на его скулы, на веки, на губы. Он зарычал, кожа зашипела, но я уже выкрикивал:

— Отныне ты не найдёшь свою медную душу! Не почувствуешь её, не узнаешь, даже если она будет стоять перед тобой! Ты будешь смотреть на неё и не поймёшь, что это источник твоей силы! А она будет перерождаться, и ты пройдёшь мимо!

Кровь из ладони продолжала течь, но я не останавливался. Я втирал эту смесь в его лицо, несмотря на жар, обжигающий пальцы.

— Ты не убьёшь её снова, не станешь сильнее, не освободишься!

Он взревел так, что каменные плиты под ногами треснули. Его тело дёрнулось, цепи зазвенели оглушительно, и в этой вспышке ярости он выбросил вперёд руку. Его коготь вошёл мне точно в грудь, туда, где билось сердце.

Боли не было. Только внезапная пустота. Я упал на колени и увидел, как туника стремительно пропитывается тёмной

кровью.

— Я найду твой род, — донёсся его шёпот, пока меня затягивало в темноту. — Из века в век. В любой точке земли. В любом теле. Я найду вас и уничтожу всех до последнего за то, что вы со мной сделали.

Вспышка белого пламени поглотила остатки его оболочки, оставив на полу лишь тёмный прах. А я лежал на холодном травертине и смотрел, как перед глазами проплывают образы — медовые волосы жены, деревянная лошадка в крошечной ладони дочери.

— Простите меня, — выдохнул я в пустоту. — Пусть бог хранит вас.

Глава 9: Стамбульский контракт

КАРИНА

Я проснулась от собственного крика. Кто-то только что сжимал моё горло! Я чувствовала это.

Села рывком, хватая ртом воздух, и первое, что почувствовала, была боль. Не та, что остаётся после кошмара и рассеивается через минуту, а настоящая, физическая: горело в груди, чуть левее грудины, и одновременно саднило шею, как будто кожу натёрли грубой верёвкой.

Я поднесла пальцы к тому месту, где ещё вчера висел мамин крестик, и нащупала только голую разгорячённую кожу. Цепочка была порвана ещё там, в ванной, после душа с Демиром. Крестик лежал на тумбочке у кровати — я сама положила его туда перед сном.

Здорово. Сначала крестики рвутся, а теперь ещё и какая-то чертовщина снится.

В номере стояла глубокая тишина, только кондиционер тихо гудел где-то под потолком. Я спустила ноги на пол, нащупала выключатель ночника, но рука совсем не слушалась. Когда лампа наконец зажглась, я стянула с плеча лямку пижамы и посмотрела вниз. На коже, прямо над сердцем, расплывалось красное пятно — не чёткий след, а смазанное, будто под кожей лопнули сосуды. Я зажмурилась, потёрла

глаза, снова посмотрела. Пятно побледнело, превращаясь в едва заметную тень, а через несколько секунд исчезло совсем.

Как???

Либо я ещё в сонном бреду, либо вокруг действительно происходит что-то ужасное. Но я не верю. Не верю в суеверия. Ни в вещие сны, ни в какую-либо бесовщину и мистику.

Я встала и пошла в ванную. Открыла холодную воду, плеснула на лицо, потом ещё раз. Закрыла глаза и попыталась сложить факты.

Ночной кошмар, в котором я была мужчиной в древнем Риме, умершим от удара когтя демона в сердце. И эти следы на груди, которые исчезли. Или померещились мне.

Я стояла, опираясь ладонями о столешницу, и уговаривала себя, что это просто последствия стресса, нервное истощение, реакция тела на череду безумных событий. Но в глубине сознания уже копошилась другая мысль — о глазах Демира в зеркале, о его ладони, которую обжёг мой крестик, о том, как быстро заживают его раны.

Я запретила себе об этом думать, вытерла лицо полотенцем и вернулась в комнату.

В дверь неожиданно постучали. Я посмотрела на часы. 13:30. Лука за дверью сообщил, что Демир-бей ожидает меня в панорамном ресторане на верхнем этаже, и я ответила, что мне нужно десять минут.

Приняла ледяной душ, чтобы окончательно прийти в се-

бя, и долго стояла перед зеркалом, разглядывая грудь. Про то, что крестик порван и остался на тумбочке, я старалась не думать.

Выбрала белое льняное платье с открытыми плечами, волосы оставила распущенными и нанесла легкий макияж. Хотелось казаться спокойной и независимой, хотя это было хлипким самовнушением.

Ресторан на крыше небоскрёба напоминал стеклянную клетку. Огромные панорамные окна стирали границу между интерьером и туманным мегаполисом, который с этой высоты выглядел как сложный набросок. Демир сидел за угловым столиком в белой рубашке с закатанными рукавами.

Когда я подошла, он поднял голову и коротко улыбнулся, но ничего не сказал, просто отодвинул для меня стул.

— Выглядишь уставшей, — заметил он, когда я села, и пододвинул ко мне чашку с кофе. — Как спалось?

— Плохо, — ответила я, обхватывая чашку ладонями. — Снилось какая-то ерунда. Даже не хочу вспоминать.

— Хочешь, закажу тебе чего-нибудь покрепче кофе? Здесь хороший коньяк.

— Нет, спасибо.

— Тогда прошу к столу.

Я оглядела стол и опешила. Ризотто с белыми грибами, салат с рукколой и вялеными томатами, тартар из лосося, бокал совињон блан — всё, что я мечтала попробовать, когда будет много денег. Даже лимонный сорбет стоял сбоку. Мой

любимый.

Я подцепила вилкой салат, попробовала — он был приготовлен именно так, как я люблю: с крупной морской солью и минимумом масла.

— Ты так настороженно смотришь на этот бедный салат, — заметил он, намазывая масло на хлеб. — Если тебе что-то не нравится, скажи. Сразу уберут и принесут другое.

— Нравится. Очень. Это и настораживает. Здесь всё, что я люблю. Даже музыка. — Я кивнула в сторону колонок, откуда лился джаз с саксофоном. — Столько совпадений.

Демир оторвал взгляд от хлеба, откинулся в кресле и усмехнулся.

— Музыка не моя заслуга. Совпадение.

Я продолжала есть, но мысли уже крутились не вокруг еды. Слишком идеально. Слишком много совпадений. Утром — кошмар и следы на груди. Теперь — стол, накрытый будто по моему личному списку желаний.

Я посмотрела на Демира, но его лицо оставалось для меня загадкой. Он что-то рассказывал о стамбульских галереях и архитектуре, и я поддерживала разговор, чтобы не молчать. Когда его пальцы случайно касались моих, передавая соль или салфетку, по коже пробежал короткий разряд, но я делала вид, что не замечаю. Он тоже не акцентировал, хотя я ловила его взгляд на своей шее и плечах — быстрый, скользящий.

Через полчаса у него зазвонил телефон. Демир взглянул

на экран, извинился и отошёл к панорамному окну. Я слышала обрывки фраз — он говорил то ли по-турецки, то ли на смеси языков. Я сидела одна, ковыряя сорбет, и думала, что пора бы написать Инне. Хотя бы скинуть фотографию вида и пару слов о том, что я ещё жива.

Я уже потянулась к сумке за телефоном, когда за спиной раздался знакомый голос:

— Карина?

Я замерла с рукой в сумке и медленно обернулась.

Артём. Мой бывший. Высокий блондин. Хоккеист, мажор, маменькин сынок. Он стоял в трёх шагах от моего столика и смотрел с искренним изумлением, будто увидел привидение.

— Привет, — хмыкнул он и сделал ещё шаг. — Не ожидал тебя здесь встретить. Ты... отлично выглядишь.

— Артём, — я выпрямилась в кресле и сложила руки перед собой. — Что ты тут делаешь? Ты что, следишь за мной?

— Чего? Нет, конечно! У меня здесь встреча по бизнесу. Серьёзная. — Он провёл ладонью по волосам, приглаживая их назад, и улыбнулся. — Я вообще в Москве проездом. А тут — ты. Судьба, наверное.

— По какому ещё бизнесу? Клюшки продаёшь? — я не сдержалась, но тут же пожалела. Он заслуживал этого, но не здесь, не сейчас.

Артём сжал челюсти, его улыбка стала натянутой.

— Смешно, — процедил он. — Я хотел просто погово-

ритель, Карин. Мы же не чужие люди. Семь лет вместе были, а ты меня просто вычеркнула. Даже не отвечаешь на звонки. Я переживаю, как ты живёшь.

— Нормально живу. Лучше, чем с тобой. — Я развернулась к столу, давая понять, что разговор окончен.

— Да ладно тебе, не злись. — Артём обошёл стол и встал так, чтобы смотреть мне в лицо. — Я правда скучал. Давай просто посидим, выпьем кофе. Без обид.

— Я занята, Артём. У меня встреча.

— С кем? — он огляделся и увидел два прибора, бокалы. Его лицо помрачнело. — А, так ты здесь не одна. С мужиком сидишь, что ли?

— Это не твоё дело.

— Интересно. — Он скрестил руки на груди. — Уже нашла себе кого-то? Богатого? Небось какой-нибудь престарелый папик, раз ты можешь позволить себе обедать в таком месте.

— Замолчи, — я повысила голос, но Артём только усмехнулся. Он взял меня за запястье и потянул вверх, пытаясь заставить встать.

— Пойдём, выйдем. Поговорим нормально, без посторонних. Твой престарелый папик подождет.

— Отпусти, — я дёрнула руку, но он держал крепко. Я упёрлась свободной ладонью в стол и попыталась вырваться ещё раз, но он только сжал пальцы сильнее.

В этот момент рядом возник Демир. Я не слышала его ша-

гов, просто в какой-то миг его ладонь легла на мою талию, и он одним движением передвинул меня к себе, заслоняя от Артёма.

— Почему же престарелый? — произнёс он ровно, пренебрежительно глядя на Артёма сверху. — Мне всего тридцать семь. Ещё вполне ничего.

Его пальцы сжались на моей талии, прижимая меня к его бедру, и он наклонился и поцеловал меня в висок — коротко и совершенно буднично, будто делал это тысячу раз. Я замерла, чувствуя шок, приправленный яростью, но не успела ничего сказать, потому что Артём открыл рот и шагнул вперёд.

— Слышь, ты кто вообще такой? — начал он, но осёкся, когда Демир чуть повернул голову и посмотрел ему прямо в глаза.

— Я тот самый инвестор, с которым у тебя встреча. Это я пригласил тебя сюда. Специально. Чтобы ты исполнил свою роль, и убрался обратно.

Лицо Артёма побелело. Он попытался что-то сказать, но не смог. Его ноги подогнулись, глаза расширились, и он начал пятиться назад. Он бормотал что-то нечленораздельное, потом резко развернулся и побежал к выходу, вполголоса матерясь.

Я вырвалась из рук Демира и отступила на шаг, тяжело дыша.

— Зачем ты позвал его сюда?! Специально? Еда, музыка,

потом это! Ты что, проверял меня?

— Да, — ответил Демир, не отводя взгляда. — И еда, и музыка. Всё, что ты любишь. Мне надо было убедиться, что этот парнишка не входит в список твоих любимых вещей.

— Ты!... Ты ненормальный! Ты понимаешь, что это уже за гранью? Какое ты имеешь право копаться в моей жизни? Я уйду! — Я схватила сумочку со стула и развернулась к выходу, но Демир поймал меня за локоть.

— Мы можем спокойно поговорить?

— Нам не о чем разговаривать! Ты манипулируешь мной с первой минуты нашего знакомства, ты устраиваешь спектакли, ты... ты даже моего бывшего сюда притащил из другого города! Что дальше? Мою маму вызовешь?

— Нет, маму не буду. — Он чуть смягчил хватку, но не отпустил. — Потом меня со всеми познакомишь. Ты, кстати, закончила вторую картину, как я просил?

Я смотрела на него во все глаза и не верила, что он только что перевёл тему.

— Ничего я не заканчивала! С такими темпами и твоими манипуляциями я вообще рисовать не буду. Ты садист, Демир. Ты получаешь удовольствие от того, что выводишь людей из равновесия.

Он смотрел на меня и молчал, и в этом молчании было что-то зловещее. Его пальцы, всё ещё державшие мой локоть, разжались и скользнули ниже, сминая ткань платья на талии.

— Выслушай моё предложение, — попросил он негромко.

— Не хочу.

Демир наклонился к моему уху, сжимая пальцы на моей талии.

— Тогда я возьму тебя прямо здесь, — прошептал он. — На глазах у официантов и посетителей. Они будут только рады. За такое обычно платят, а тут бесплатно будет.

Я дёрнулась, попыталась оттолкнуть его, но его руки сжали меня крепче, прижимая к себе.

— Ладно, — выдохнул он, чуть отстраняясь, — я пошутил. Прости. Плохая шутка.

— Я уже не верю твоим шуткам! Ты жестокий, ты садист, ты... — я запнулась, потому что он поднял руку и нежно провёл ладонью по моим волосам.

— Выйдем на террасу, — предложил он. — Освежимся. Там тихо, никого нет. Просто поговорим, без фокусов.

Я смотрела на него с недоверием.

— У тебя недосып, я же вижу, — добавил он. — Я тоже не спал. Давай просто постоим на воздухе. Освежимся.

Я всё ещё кипела, но что-то в его голосе заставило меня замедлиться.

— А чего ты не спал? Тебе... тоже плохо?

— Если я скажу «да», ты меня пожалеешь? — спросил он с едва заметной усмешкой.

— Не дождёшься.

Я резко выдохнула и пошла к террасе, не дожидаясь его.

Демир двинулся следом.

Терраса была пустой — длинная открытая площадка с прозрачными панелями вместо перил. Ветер трепал волосы и платье, и я поёжилась, обхватив плечи руками. Внизу расползалась огнями столица, но я смотрела на неё без всякого восторга — слишком много внутри было всего намешано.

Демир встал рядом, опёрся локтями о перила и молчал почти минуту, глядя вдаль. Потом заговорил, не поворачивая головы.

— Я признаю, что перегнул. С твоим бывшим — это было уже лишнее. С едой и музыкой — не считаю. Я хотел понять тебя быстрее, чем ты сама готова открываться, и выбрал для этого такой способ. Но я не извиняюсь, Карина. Я просто говорю, как есть: больше такого не будет. Всё, что мне нужно, я уже узнал.

— И что же ты узнал? — спросила я, скептически поднимая брови.

— Что ты не сдаёшься, даже когда тебя прижимают к стенке. Что ты гордая. Что твоя работа для тебя важнее денег. И что ты не любишь своего бывшего, — он усмехнулся. — Хотя это я мог бы спросить сразу.

Я молчала. Ветер охлаждал плечи, и я растирала ладони, пытаясь согреться. На мои плечи неожиданно опустился его пиджак. Я не стала благодарить. Пусть это будет в порядке вещей.

— Я предлагаю начать заново, — продолжил Демир. —

Контракт. Чистый, без игр и проверок. Ты будешь рисовать, учиться в моей галерее, участвовать в выставках. Никаких закрытых клубов, никаких бывших парней и никаких манипуляций. Только творчество.

— Сугубо творчество? — переспросила я, поворачивая голову.

— Да. Ты и холст. Я и галерея.

Я долго смотрела на него, пытаюсь высмотреть подвох. Ветер трепал его волосы, лицо было серьёзным, руки спокойно лежали на перилах.

— Хорошо, — сказала я наконец. — Допустим, я согласна. Но только на этих условиях.

— Отлично! — Он выпрямился и посмотрел на меня с явным облегчением. — Тогда контракт заключим сразу, как приедем на место. Лука отвезёт тебя в аэропорт, ты слетаешь в Петербург, соберёшь чемодан.

— Чемодан? — я нахмурилась. — Куда?

— В Стамбул, конечно. Моя основная галерея находится там. Ты переедешь ко мне на время контракта. В Турцию. Там, в моём офисе, познакомишься со всеми документами и решишь, подписывать или нет.

Я уставилась на него, пытаюсь переварить услышанное. Стамбул? Переезд? Контракт, который он предлагает подписать на своей территории, в своём городе, в своём офисе?

Он ждал ответа, прислонившись к перилам. В его расслабленной позе не было напряжения. Он будто знал, что я со-

глашусь раньше меня.

Глава 10: Метки на коже

ДВА ДНЯ СПУСТЯ

Я сидела на заднем сиденье такси. За окном мелькали воды каналов, гранитные набережные, размытые дождём контуры собора. Питер. Мой любимый город, где я знала каждый переулок.

Я прилетела сегодня. Оригинал контракта у меня на руках не было — мы договорились с Демиром, что подпишем всё, когда я приеду в Стамбул.

Я открыла сумочку и коснулась пальцами конверта с копией договора, который он мне оставил для ознакомления. Тридцать три дня в его резиденции. Я перечитала одну и ту же строчку трижды: «Без обязательств сексуального характера». Формулировка была настолько точной, что от неё веяло издёвкой. Он знал, что эта недосказанность будет мучить меня. Он играл со мной, заставляя саму желать того, чего я якобы хотела избежать.

Я вошла в квартиру и сразу услышала стук клавиш. Инна сидела на кухне в окружении чашек с остывшим чаем и вороха распечатанных договоров. Увидев меня, она захлопнула ноутбук и вскочила.

— Ну наконец-то! Карина, ты пропала на несколько дней, я уже не знала, что думать. Ты говорила — на день, а сама

пропала. Что случилось? Ты в порядке?

— В порядке, Ин, не кипиши. Просто всё закрутилось быстрее, чем я планировала. Москва, открытие галереи, закрытый приём. И Демир сделал мне предложение.

Инна уставилась на меня с открытым ртом, потом схватила за плечи и усадила за стол.

— Он тебе что, замуж позвал? Карина, не молчи!

— Господи, нет, не замуж. Работать. Он предлагает контракт на месяц. Я буду жить в его резиденции в Стамбуле, рисовать, учиться в его галерее. Официальный документ, интенсивное кураторство.

Инна помолчала, переваривая, потом медленно опустилась на стул напротив.

— Месяц в его резиденции? В Стамбуле? Карина, ты вообще понимаешь, что о нём говорят? Я тут такого про него начиталась. Каждая его муза после такого месяца становится знаменитой, это да. Но ты знаешь, что они рассказывают потом? Ходят слухи, что все они проходят через его постель.

— Я читала, да, — ответила я спокойно. — Но в контракте прописано: без обязательств сексуального характера. Я еду работать. Всё остальное меня не касается.

Инна фыркнула и скрестила руки на груди.

— Без обязательств сексуального характера — это просто бумажка, Карин. Ты сама-то веришь в то, что он будет её соблюдать?

— Я еду не за этим, — отрезала я. — Это мой шанс. Ты

сама говорила, что я годами сижу в безвестности. Он может дать мне выставки, имя, контракты. Если я откажусь, то потом буду жалеть всю жизнь.

Инна долго смотрела на меня, потом вздохнула и покачала головой.

— Ладно, я тебя понимаю, конечно. Такой шанс выпадает раз в жизни. Но будь осторожна, ладно? Если что-то пойдёт не так, ты сразу звонишь мне. И когда будешь подписывать контракт, тоже мне звони.

— Договорились, — я слабо улыбнулась.

Инна хлопнула ладонью по столу и поднялась.

— Тогда решено. Такое событие надо отметить! Я сбегаю за хорошим вином, а ты пока переоденься. Посидим, поболтаем по-человечески.

Я кивнула и, пока она возилась в прихожей, незаметно выскользнула из кухни. Прошла в свою мастерскую, закрыла за собой дверь и остановилась посреди комнаты. Мой привычный безопасный мир.

Я подошла к мольберту, закрепила чистый лист плотной бумаги, взяла брусок чёрного угля и замерла. Пальцы сами сжали уголь, и я начала рисовать, почти не глядя, будто рука жила отдельно от сознания.

Уголь зашуршал по бумаге, оставляя жирные чёрные следы. Сначала проступили плечи — широкие, мужские, с рельефными мышцами, затем торс, напряжённые бёдра. Вокруг фигуры я растёрла угольную пыль ладонью, создавая

эффект пульсирующего тёмного пламени. Потом пошли цепи — рваные штрихи, впивающиеся в кожу, сковывающие грудь и запястья. Я рисовала быстро, яростно, и в какой-то момент поняла, что изображаю его. Демира. Волевой подбородок, жёсткая линия губ в издевательской усмешке, высокие скулы. Длинные тёмные волосы падали на лоб, почти скрывая верхнюю часть лица.

Когда я поднесла уголь к глазам, рука дрогнула. Я попыталась прорисовать зрачки, но не смогла. Стоило представить эти чёрные щели демона из кошмара, как внутри просыпался парализующий страх.

Я оставила глазницы пустыми — тёмными провалами, из которых на меня смотрела сама пустота. Отступила на шаг. С рисунка на меня глядел прекрасный пугающий демон в цепях. От него веяло животной силой. Мне стало не по себе.

— Кто ты такой на самом деле, Демир Османоглу? — прошептала я.

Рисунок молчал. Я свернула лист пополам и спрятала в самый дальний ящик стола, завалив старыми эскизами.

— Карина! Я вернулась, открываю вино! Иди сюда! — голос Инны из коридора выдернул меня из оцепенения.

Я застала Инну в коридоре — она уже держала в одной руке связку ключей, а в другой — бокал с вином. От неё пахло цитрусовыми духами и той деловой суетой, которая обычно предшествовала её крупным сделкам.

— Подруга, я сделаю всё, чтобы ты была готова, — заяви-

ла она, оглядывая мои испачканные графитом джинсы. — Надевай обувь, через пять минут выходим.

Я нахмурилась, пытаюсь переключиться с угольных пропорций на реальность.

— Куда? Мы же собирались просто посидеть.

— В салон. Тебе нужно полное преображение. Волосы, ногти, брови — всё. И я плачу, так что даже не думай включать свою гордость.

— За твой счёт? — уголок моих губ пополз вверх.

— Считай это инвестицией в твоё будущее. Если ты выстрелишь и разбогатеешь, я стану твоим личным агентом с приличным процентом.

Я тихо рассмеялась, натягивая куртку.

Через полчаса мы уже были на месте. Инна уверенно назвала администратору салона красоты свою фамилию, и меня препроводили в кожаное кресло. Следующие три часа превратились в монотонную процедуру: фольга на голове, лампы, мастер колдовала над моими волосами, смешивая пигменты в пластиковой чаше. Затем были брови, ногти покрыли прозрачным нюдовым лаком, на лицо нанесли холодную маску с золотыми частицами.

Когда меня повернули к зеркалу, я не сразу узнала своё отражение. Волосы, которые я обычно скручивала в узел с помощью карандаша, теперь падали на плечи тяжёлыми глянцевыми волнами тёплого каштанового оттенка. Лицо светилось. Я выглядела ухоженно и свежо.

— Новая Карина Евсеева, — произнесла Инна за моей спиной, кладя руки мне на плечи. — За новые начинания.

Инна расплатилась, и мы вышли на улицу под мелкую морось. Послезавтра Стамбул, офис Османоглу, подписание бумаг.

— А теперь обещанный сюрприз, — Инна загадочно прищурилась, когда мы снова сели в машину.

— Надеюсь, не курсы этикета.

— Хуже.

Мы проехали пару кварталов и остановились у здания из тёмного старого кирпича. Над дубовой дверью горела неоновая трубка: Ink & Soul. Из подвала доносился бас.

— Тату-салон? — я выгнула бровь.

— Именно. Я иду делать свою лису, а ты — за компанию себе сделаешь что-нибудь. На память.

— Инна, мне через день лететь.

— Никаких отговорок. Ты твердила об этом два года. Новый этап — новая отметина. Хватит быть правильной девочкой.

За стойкой сидел высокий парень с лицом, покрытым чёрными узорами, и титановым стержнем в брови.

— Инка, привет. А это твоя подруга? — он кивнул мне.

— Да. Карина, знакомься, это Макс, мой мужчина.

Я моргнула. Инна умудрилась скрыть от меня целый новый роман.

— Приятно, — выдавила я, разглядывая его зататуиро-

ванные руки.

Макс провёл нас в кабинет. Инна сразу показала ему эскиз лисы на лопатку, он кивнул и начал переводить трансфер.

— А ты, Карина? Выбрала что-нибудь? — спросил он, натягивая перчатки.

Я замялась. В голове пронеслись образы из потаённых набросков, которые я прятала на дне ящичков. Никогда не решалась этого сделать.

— Дай планшет, — я взяла устройство и начала листать его эскизы. — Вот эти. Змея, тонкая, графичная, по предплечью от локтя вверх. А на правое бедро — бабочку «Мертвая голова».

Макс кивнул.

— Хороший выбор. Кожа на бедре чувствительная, но за один сеанс успеем. Уверена?

— Абсолютно.

Инна подошла и сжала моё плечо, в её глазах был восторг.

— Вот это я понимаю! Во все тяжкие.

Пока Макс готовил иглы, Инна увлекла меня в угол.

— Слушай, я тут подумала. Этот твой Османоглу, он же восточный мужчина. О его закрытых вечеринках такие слухи ходят. Вдруг у него там тайный гарем из художниц?

Я прыснула.

— Инна, ты пересмотрела турецких сериалов.

— А я серьёзно. Мужчины с такими деньгами не подчиняются общим законам. Но я о другом. Подумай. Если у те-

бя будут татуировки, никакой консерватор тебя в гарем не заберёт. Это против их правил. Считай, охранный грамота. Думаю, мы правильно делаем.

Я усмехнулась. Вышла в коридор, достала телефон и забила в поиск: «татуировки, отношение в исламе, традиции». Экран выдал текст о том, что нанесение татуировок считается харамом, изменением творения. Женщины в закрытых резиденциях воспитывались в строгой чистоте тела.

Я выключила экран. Сердце забилося быстрее. Какое-то извращённое упрямство затопило грудь. Мне захотелось оставить эти метки именно перед встречей с ним. Заявить права. Это моё тело, и я буду раскрашивать его сама. Как захочу.

Я вернулась в кабинет и легла на кушетку, подставив Макс-у левую руку.

— Начиная со змеи.

Первый укол иглы заставил сжать зубы. Боль была острой и горячей. Жужжание машинки гипнотизировало. Я смотрела, как чернила въедаются под кожу, превращаясь в чешуйки, обвивающие предплечье. Инна сидела рядом, держа меня за свободную ладонь.

— Дыши, Каринка. Ещё немного.

Через час рука горела так, будто её обварили кипятком.

— Переворачивайся, — скомандовал Макс. — Сейчас бедро. Будет весело.

Кожа на бедре отзывалась на иглу ещё большей болью, ко-

торая отдавала в низ живота. Я уткнулась лицом в пелёнку, вдыхая запах антисептика, и думала о Демире. Как он посмотрит на меня, когда увидит эту графику? Разозлится? Его холёная натура коллекционера сочтёт это вандализмом? Или вызов только распалит его интерес?

Когда Макс закончил, я с трудом поднялась с кушетки. Ноги дрожали, кожа под плёнкой саднила.

Инна откуда-то извлекла бутылку вина и три пластиковых стаканчика. Мы пили прямо там, среди банок с краской. Вино быстро ударило в голову на фоне физического шока.

— Думаешь, твой турецкий шейх не расторгнет контракт из-за этого? — Инна кивнула на мою замотанную ногу.

— Это не его дело. Если он ценит искусство, он должен понимать язык тела.

— Ну-ну. Главное, чтобы он не решил содрать с тебя эти холсты вместе с кожей.

— Сама меня подговорила, а теперь пугаешь. Хороша подруга!

— А то! Поэтому ты со мной и дружишь. Нет?

Домой мы вернулись за полночь. Я добралась до кровати, чувствуя, как горит и ноет всё тело. Инна помогла обновить мазь и ушла к себе. Я закрыла глаза и мгновенно провалилась в сон.

Глава 11: Флорентийская ночь

СОН КАРИНЫ

Мне снова снилась не моя жизнь.

Аромат цветущих магнолий и южного лета. Это была Флоренция. Я узнала эту панораму с холмов: черепичные крыши, купол Брунеллески, застывший в серебряном лунном свете, и узкие улочки, уходящие в темноту. Эпоха Возрождения.

Я посмотрела на свои руки — тонкие пальцы в тяжёлых перстнях, кружевные манжеты дорогого платья. Я была дочерью старинного рода Эванджелисти, и мой отец каждый день приводил в палаццо новых мужчин. Графы, торговцы шёлком, молодые патриции — все они смотрели на меня как на дорогую деталь интерьера, которую нужно выгодно пристроить. Я отказывала каждому и запиралась в библиотеке, где среди томов Данте и Боккаччо прятала рукописные переводы немецких легенд о Фаусте. Человек, заключивший сделку с дьяволом ради одного мгновения абсолютной полноты бытия, — эта мысль завораживала меня гораздо больше, чем любые ухаживания.

В ту ночь в спальне было невыносимо душно. Я открыла окно, сбросила платье, оставшись обнажённой на шёлковых простынях, и раскрыла книгу. Лунный свет падал на страни-

цы, я читала о Гретхен, о её падении. Пальцы сами скользнули вниз, к животу, потом ниже. Я ласкала себя медленно, с нарастающим давлением, запрокидывая голову и шепча имя, которое вычитала в запретных книгах. Чужое, пугающее имя.

Шорох на балконе заставил меня замереть.

— Кто здесь?

Я не успела прикрыться. В окне стоял мужчина в венецианской маске Баута — белой, с выступом для подбородка. Его торс был обнажён, смуглая кожа покрыта вязью татуировок, похожих на османские клейма. Широкие плечи перекрывали проём. Я открыла рот, но он уже оказался рядом и накрыл мои губы тяжёлой ладонью. Тот, кто приходил ко мне каждую ночь во сне, пришёл снова. Но на Яву.

— *Sus pus*, — выдохнул он мне в ухо.

Я потянулась к нему, пока он удерживал меня за плечо. Мои пальцы нащупали завязки его шаровар, развязали их и скользнули внутрь. Я достала его плоть, мягкую и горячую, и провела ею по своей щеке, прижимаясь лицом к коже. Я не верила, что это происходит по-настоящему. Раньше мне это только снилось.

Он смотрел сверху и молча улыбался под маской. Я чувствовала. Я начала целовать его, потом провела языком по всей длине, поцеловала, как целуют губы. Во рту пересохло после выпитого за ужином вина, слюны не хватало, но я взяла его целиком и толкнула глубже, целясь в горло. Меня тут

же сдавил рвотный спазм, но это помогло — потекло больше слюны. Он застонал и запустил пальцы в мои волосы, перебирая пряди, но не направляя. Я двигала рукой в одном ритме с губами. Он гладил меня по голове. Воздуха не хватало, я подняла помутневший взгляд, приподнимаясь. В такой близости я заметила рога на его голове — они были небольшими, тёмными. Я испугалась.

Он резко перехватил мои запястья одной рукой и зафиксировал их над головой, уложив меня на спину. Колено раздвинуло мои бёдра грубо и уверенно. Я почувствовала жёсткую ткань его шаровар и невероятный жар, исходящий от его тела. Губы прижались к моей шее, зубы прихватили кожу, и я застонала в его ладонь, теряя остатки воли.

Тело тянулось ему навстречу, как всегда. Его свободная рука ушла вниз, пальцы погрузились внутрь меня без подготовки — жёстко, ловко, словно он разминал податливую глину на гончарном круге. Он брал меня именно так, как нужно было моему телу, подчиняя своему темпу. Удовольствие накрыло мгновенно — болезненной ослепляющей вспышкой. Я выгнулась на простынях, кусая его ладонь.

Теперь я смотрела на всё это со стороны, и оставалась собой — Кариной, застрявшей в чужом сне. Утренний свет заливал флорентийскую спальню, и в этом ярком освещении тело девушки на постели выглядело как сломанная кукла. Её глаза были открыты, но в них не было жизни. На шее багровели следы от пальцев, простыня сбилась, обнажая красивую

грудь и бёдра. В её позе не осталось ни капли той страсти, что наполняла комнату этой ночью.

Я смотрела на неё будто из-за зеркала. Немой наблюдатель трагичной сцены.

Дверь распахнулась с грохотом. Первым вбежал отец, за ним трое слуг. Старик замер на полпути к кровати, его лицо побagровело, рот открылся. Он смотрел на дочь и не двигался. Один из слуг перекрестился и попятился, другой бросился к окну и распахнул ставни.

Отец наконец издал звук — надсадный стон, и рухнул на колени у постели, схватив мёртвую руку дочери.

— Кто? Кто это сделал? — взмолился он, но никто не ответил.

Служанка, старая женщина, которая вырастила эту девушку с пелёнок, протиснулась мимо слуг и склонилась над телом. Она откинула простыню, осмотрела бёдра, прикоснулась к внутренней стороне, и её лицо исказилось.

— Господин, — с ужасом произнесла она, выпрямляясь, — её лишили девственности.

Отец поднял голову, его глаза наполнились слезами и яростью. Он что-то закричал, но я не разбирала слов, потому что моё внимание перетянул на себя слуга, вышедший на балкон. Он замер там, глядя вниз во внутренний двор, и вдруг позвал остальных. Все бросились к балкону. Я увидела, как они перегнулись через перила, и слышала новый вскрик.

На каменном полу балкона, прислонённый к стене, стоял

холст. На нём была изображена эта самая комната, эта самая постель, и на ней — девушка с запрокинутой головой, с открытым ртом и закатившимися глазами, а над ней нависал мужчина в маске. Его рука сжимала её горло. Композиция была откровенной до неприличия, каждая деталь прописана. Девушка нарисовала собственную смерть перед смертью.

Отец, увидев картину, отшатнулся и схватился за грудь. Его лицо перекосилось от ужаса и отвращения. Слуги стояли в оцепенении, пока служанка не перекрестилась и не зашептала молитву.

Затем мой ракурс сменился, как это бывает только во сне. Я больше не стояла на балконе — я оказалась во тьме.

Глава 12: Тридцать три розы

КАРИНА

Я сползла с кровати и на негнущихся ногах поплелась в ванную. Голова ещё оставалась там, во сне, — в душной флорентийской спальне. Включила свет над раковиной, и стянула через голову влажную от пота рубашку. Повернулась к зеркалу, чтобы осмотреть пластыри на предплечье и бедре, и замерла с открытым ртом.

На коже, прямо над сердцем, горел воспалённый рисунок. Перевернутая пентаграмма, окружённая мелкими знаками. Кожа вокруг вздулась, от неё шёл настоящий жар. Я закричала, не сдерживаясь, и через несколько секунд дверь распахнулась. Испуганная Инна влетела в ванную в пижаме, и схватила меня за плечи.

— Карина! Что случилось?! Что такое? — она трясла меня, вглядываясь в глаза, потом быстро обшарила взглядом комнату, но ничего не увидела.

Я снова посмотрела в зеркало и не поверила себе. Никаких знаков. Чистая кожа, только красные пятна от подушки на щеке. Я тяжело дышала и указывала пальцем на зеркало, но сказать ничего не могла. Инна перевела взгляд на мое отражение, потом на меня, и нахмурилась.

— Карин, ты чего?

— Я не знаю, — выдавила я наконец. — Кошмар. Очень реалистичный.

Инна приложила ладонь к моему лбу и тут же отдернула.

— Да ты горячая, как печка! Температура подскочила, это всё нервы и татуировки. Организм не справляется с нагрузкой. Пошли обратно в кровать, я принесу чай и жаропонижающее.

Я послушно кивнула, натянула сухую майку и легла. Инна укутала меня одеялом, принесла кружку с ромашкой и таблетку и села рядом, пока я пила. Через некоторое время дрожь отпустила. Инна молча убрала прядь с моего лба и спросила, что приснилось. Я отказалась рассказывать, пообещала перед вылетом, и она не стала давить, только выключила свет и прикрыла дверь.

Я лежала и думала, что либо мой рассудок перегружен эйфорией и болью, либо я шаг за шагом вхожу в чужую ловушку, где мой рассудок расколется пополам.

На следующий день в терминале аэропорта Инна стиснула меня так, что затрещали рёбра, а потом резко отстранила и держала за плечи. Её глаза блестели, но она пыталась улыбаться.

— Береги себя. Обещай, что будешь на связи. Если твой турецкий коллекционер позволит себе лишнее — плевать на контракт, бери билет назад. Деньги на неустойку я найду, займу, перехвачу.

— Всё будет нормально, Ин. Это просто работа.

Объявили посадку. Я подхватила тубус с набросками, кивнула подруге и пошла к гейту, не оборачиваясь. Телефон показал сообщение с незнакомого номера: «В аэропорту встретит машина. До встречи». Коротко, в стиле Демира. Эмоции были смешанные. Но увидеть его мне очень хотелось.

В салоне самолёта я села у иллюминатора и смотрела на бетон взлётной полосы под пеленой измороси. В голове был шестой пункт договора — тот самый, про тридцать три ночи в резиденции заказчика, без обязательств сексуального характера, но с полной доступностью для него в часы бодрствования. Я понимала, на какой риск иду, но желание доказать всем, что моя графика чего-то стоит, перевешивало. Ведь самой пробиться в мир искусства у меня не вышло.

Стамбул встретил меня приятным зноем. В толпе встречающих стоял высокий плечистый турок с усами в костюме с табличкой «Карина Евсеева». Он молча забрал мой чемодан и тубус и жестом пригласил за собой. На русский или английский он не реагировал. Я улыбнулась и сказала «Türkçe?», он кивнул, ответил что-то и открыл передо мной дверь чёрного «Мерседеса» с тонировкой.

За окном машины город взбирался на крутые холмы, мелькали терракотовые крыши и острые шпили минаретов. Древние византийские стены стояли рядом с футуристическими высотками, и я жадно ловила взглядом силуэты всех мостов и сверкающую гладь Босфора, пока автомобиль не затормозил у зеркального небоскрёба в районе Левент. Глав-

ный офис Osmangolu Holding.

В холле было прохладно и тихо, как в музее. За стойкой сидела девушка с каре и бейджем «Дилара». Я подошла и представилась, сказала, что у меня назначена встреча с господином Османоглу. Она скользнула по мне оценивающим взглядом — моя простая белая футболка и джинсы явно не вызвали у неё энтузиазма. Но стоило ей вбить мое имя в базу на ноутбуке, как выражение её лица переменялось на натянутую учтивость.

— Рада приветствовать вас, Карина-ханым. Эфенди уже ждёт. Пройдёмте.

Она проводила меня к отдельной кабине лифта, приложила карту, и мы взлетели на верхний этаж. Там открылся коридор с белыми стенами, на которых висели подлинники. Я остановилась у первой картины — это был «Предел доверия». Тяжёлые мазки мастихином, бордовые и угольные тона, настоящая эротическая экспрессия.

В конце коридора за столом из тёмного ореха сидела личная помощница Демира. Секретарша. Перед ней стоял маленький стаканчик-армуду с дымящимся чаем. Увидев нас, девушка поднялась, поклонилась и постучала в массивную дверь.

— Эфенди, госпожа Евсеева приехала.

— Пусть войдёт, — донёсся изнутри его низкий голос, и по моему телу пробежала волна предвкушения.

Я переступила порог. Кабинет напоминал частную галерею.

рею с панорамными окнами на пролив, залитый слепящим светом. Кондиционер работал на полную мощность, ледяной воздух моментально заставил меня поежиться, и очертания груди отчётливо проступили через тонкую футболку. Я мысленно выругалась — в самолёте сняла лифчик, чтобы поспать, а теперь это выглядело вульгарно. Я переложила распущенные волосы на грудь, прикрываясь ими, и пошла к столу.

Демир сидел в кресле. На нём была чёрная футболка, обтягивавшая тренированные руки, и тёмно-серые брюки. Часы на запястье, вальяжная поза. Он смотрел на меня взглядом оценщика, который фиксирует каждую деталь.

— Карина, — он поднялся с места, улыбнувшись. — Добро пожаловать в Стамбул.

Он подошёл к встроенному шкафу и достал огромную охапку багровых роз. Букет был перевязан широкой белой лентой.

— Тридцать три штуки, по одной за каждую ночь, которую ты проведёшь здесь. Они ждали тебя.

Я взяла цветы и прижала к себе. Они были прохладными и пахли так сильно, что на мгновение закружилась голова.

— Они прекрасны, Демир. Спасибо.

Демир шагнул ближе. От него веяло уверенностью и дорогим парфюмом. Он поддел прядь моих волос и провёл по ней пальцами, затем его большой палец скользнул по моей груди, задев кожу сквозь ткань. Он всё заметил, но ничего

не сказал, только чуть улыбнулся.

— Ты могла бы просто сказать, что очень рада меня видеть.

Я отступила и выпрямилась.

— Я рада.

От этого мимолётного контакта татуировка на руке снова заняла.

— Как прошёл полёт? Надеюсь, в бизнес-классе тебе было комфортно.

— Всё была на высшем уровне, да.

— Отлично. Ты теперь под моим крылом, а я забочусь о том, что представляет для меня особую ценность.

Он указал на глубокое кожаное кресло напротив, и я села, положив букет на соседний стул. Демир вернулся за стол, но его сканирующий взгляд оставался на мне.

— Сейчас принесут настоящий турецкий кофе. Мы подпишем контракт. А как только ты немного адаптируешься, я покажу тебе другой Стамбул — не тот, что в гидах. Старые кварталы, где краска на стенах помнит османских мастеров. Тебе как художнику это будет очень интересно.

— Звучит заманчиво. Я уже вижу несколько сюжетов для графики.

Я скрестила ноги, и ткань платья натянулась на правом бедре, где под плёнкой зудела бабочка. Демир открыл ящик и достал кожаную папку, толкнул её в мою сторону вместе с тяжёлой ручкой.

— Окончательный вариант договора. Если ты доверяешь мне, можем подписать прямо сейчас, без лишних свидетелей.

Я посмотрела на папку и на него. Внутренний предохранитель сработал сразу.

— Я бы хотела показать копию своему юристу.

Лицо Демира мгновенно изменилось. Расслабленность исчезла, брови сошлись у переносицы.

— Этот контракт содержит пункт о строгой конфиденциальности. Документы не могут покинуть кабинет до подписания. Что именно вызывает у тебя вопросы? Я разъясню любую строчку.

— Мой юрист в Петербурге, и я обещала ей, что ничего не подпишу без совместного анализа. Это вопрос моей личной безопасности.

Демир смотрел на меня из-под бровей, просчитывал мотивы, потом жёсткая линия его губ смягчилась.

— Хорошо. Твой юрист может подключиться по видеосвязи прямо сейчас. Мой адвокат уже здесь. Пусть они обсудят все спорные моменты. Мне важно, чтобы у тебя не осталось сомнений.

Я кивнула, быстро достала телефон и написала Инне: «Срочно, подключайся по видео, контракт передо мной».

Ответ пришёл сразу: «Готова. Набирай».

Демир тоже нажал кнопку селектора и вызвал мужчину по имени Харун.

Пока я пыталась подключить к видео звонку свою подружку, я чувствовала на себе его взгляд. По ощущениям он был насмешливым, снисходительным.

Через минуту вошёл солидный мужчина в костюме-тройке, с сединой на висках и цепким взглядом. Демир представил нас, я установила телефон на подставку, и на экране появилась Инна — собранная, строгая.

Харун вежливо поклонился камере и спросил, какую юридическую компанию она представляет. Инна ответила, что защищает частные интересы мисс Евсеевой, и предложила сразу перейти к делу. Мы переместились в соседнюю переговорную. Мужчины сели напротив экрана, я устроилась рядом с Демиром, и он снова оказался слишком близко.

Харун открыл контракт и начал бегло зачитывать основные пункты. Инна прервала его на четвёртом пункте, подпункте «б».

— «Использование нестандартных методов для поиска творческого вдохновения». Слишком размыто. Моя клиентка не будет подписывать соглашение с двойным дном.

Харун снисходительно улыбнулся, покрутил ручку в пальцах.

— Мисс, мы работаем с эротическим искусством. Под нестандартными методами подразумевается изучение специфических визуальных материалов, посещение закрытых перформансов, сенсорные триггеры. Всё исключительно в рамках эстетики.

— Какие именно триггеры? — Инна не сдавалась. — Я требую конкретики.

Демир подался вперёд, опёрся локтями о стол, и его взгляд скрестился с камерой.

— Все процедуры абсолютно добровольны, — заговорил он тише. — Карина в любой момент может отказаться от того, что сочтёт неприемлемым. Но эротика требует выхода за привычные рамки. Карина, ты же понимаешь, о чём речь?

Он повернулся ко мне, и в его глазах стоял прямой вызов.

Я посмотрела на Инну — она сердито хмурилась на экране, затем перевела взгляд на Демира.

— Всё в порядке, Инна. Я понимаю условия. Меня всё устраивает.

Инна вздохнула, осознавая, что спорить дальше бесполезно.

— Хорошо. Под твою ответственность, Карина.

Харун протянул мне документы. Я взяла ручку и поставила подпись на каждой странице. Юрист заверил подписи, Инна зафиксировала процесс и отключилась.

Когда Харун вышел, в переговорной повисла тишина. Демир медленно поднялся и подошёл ко мне сзади, положил руки на подлокотники моего кресла, наклоняясь ближе.

— Ты приняла правильное решение, джаным. Теперь ты в моей мастерской и под моим руководством.

Его большой палец скользнул по моему левому плечу и наткнулся на край пластыря, который до этого скрывали во-

лосы. Демир остановился, пальцы зафиксировали мою руку.

— Что это? — голос стал холодным, в глазах мелькнуло раздражение.

— Обожглась о свечу, когда рисовала ночью.

— Я посмотрю?

— Нет.

Он процедил что-то на турецком, похожее на «eyvah», и отстранился.

— Любишь ты играть с огнём.

Он подошел к окну и достал телефон из кармана, проверяя что-то.

— Мурат отвезёт тебя на виллу. Отдохни с дороги. У меня ещё остались дела, я приеду ближе к вечеру. Нам предстоит первый урок — покажу тебе мою закрытую коллекцию.

— Какая вилла? Я уже сняла себе отель в городе.

— Это не обсуждается. Муза всегда должна быть рядом с художником.

— Я не буду с тобой жить в одном доме!

Демир уже шёл к выходу и усмехнулся, не оборачиваясь.

— Там тридцать семь комнат, джаным. Если ты так сильно боишься меня, можем вообще не пересекаться вне работы. Но я сомневаюсь, что ты этого захочешь.

Глава 13: Дом у Босфора

Я смотрела на солнечный город за окном и пыталась осознать масштаб ловушки, в которую добровольно шагнула. Подпись на контракте ещё не высохла, а я уже сидела в машине, которая везла меня в резиденцию Демира Османоглу. Тридцать три ночи в его доме. Тридцать три. Я повторяла эту цифру про себя, и с каждым разом она казалась мне всё более зловещей.

В художественной тусовке о нём ходили пугающие легенды. Он находил молодых, голодных до признания девушек с искрой таланта, забирал их к себе на месяц, а потом их имена взрывали европейские аукционы. Но какова цена? Я не верила в платоническое меценатство миллиардеров. Коллекционер эротического искусства не может быть святым. Наверняка он брал с этих муз плату телом, выпивал их до дна, оставляя себе лишь холсты, а самих девушек выбрасывал из жизни. И вот я здесь — следующий холст в его закрытой галерее. Наверное, я сошла с ума. Но желание доказать бывшим профессорам из Академии художеств, что мои работы имеют право на жизнь, перевешивало любые страхи.

Машина свернула с оживлённого проспекта на узкую улицу, которая петляла вверх. По обеим сторонам стояли кипарисы, их тени ложились на асфальт тёмными полосами, размывая пейзаж. Впереди вырос высокий забор из белого кам-

ня, и тяжёлые кованые ворота бесшумно разошлись.

Вилла стояла у самой кромки воды. Белый фасад, широкие террасы, открытые галереи с колоннами, заросшие плющом. В тенистых нишах журчали мраморные фонтаны. И розы. Боже, розы. Огромные кусты, усыпанные бутонами всех оттенков — от нежно-розового до багрового! Густой сладкий запах цветов смешивался с солёным ветром Босфора, и этот шлейф сразу кружил голову.

Мурат затормозил у парадного входа. Дверь открылась, и на пороге появился подтянутый пожилой мужчина в отглаженной белой рубашке. Седина на висках, добрый живой взгляд.

— Добро пожаловать, мисс Евсеева, — сказал он на русском почти без акцента, только слегка растягивая гласные. — Меня зовут Омер, я управляющий этой виллы. Эфенди Османоглу распорядился сделать ваше пребывание максимально комфортным.

— Спасибо, Омер. Рада слышать родную речь.

Мурат уже выставил мой чемодан и тубус на гранитные плиты, и управляющий сделал приглашающий жест.

Внутри дом поразил меня своим масштабом. Потолки уходили на высоту двух этажей, завершаясь старинной мозаикой, а по центру свисала массивная блестящая люстра. Но главное — стены. Я поразилась, узнавая руку мастеров. Справа висела небольшая графика Дали, чуть дальше — кубистический набросок Пикассо, а рядом с ними — совре-

менные турецкие авторы с пастозной техникой. Живые, дышащие холсты. И так много!

— Эфенди упоминал, что вы тонко чувствуете искусство,
— Омер остановился рядом, заметив мой застывший взгляд.
— Думаю, этот дом станет для вас хорошим источником вдохновения.

— Здесь потрясающая коллекция, — я с трудом оторвалась от полотна, где женская фигура растворялась в фактурных мазках морской пены.

— Приятно это слышать. Пойдемте, я покажу вам дом. Эфенди разрешил осматривать любые помещения, кроме его частной студии на мансардном этаже. Туда вход строго воспрещён. Всем. Без исключения.

Я кивнула, но внутри мгновенно вспыхнуло любопытство. Запретная зона? То место, где он творит или прячет то, что не предназначено для чужих глаз. Но именно туда он обещал отвести меня вечером. Он же так сказал?

Первый этаж точно был предназначен для демонстрации статуса. Просторная гостиная с камином, в топке которого мог поместиться взрослый человек. Библиотека, где пахло табаком, и стеллажи были забиты редкими фолиантами и каталогами выставок. Столовая на два десятка персон и терраса с видом на воду.

— Здесь часто бывают гости? — спросила я, разглядывая серебряные приборы.

— Раз в месяц господин Османоглу устраивает закры-

тые приёмы с ужином. Коллекционеры, галеристы, критики. Здесь бывает шумно, да. Ближайший такой ужин, кстати, уже через две недели. Вы тоже приглашены.

Мышцы живота непроизвольно сжались. Я представила себя в эпицентре этого светского серпентария в роли новой музыки Демира, на которую будут смотреть как на очередную игрушку миллиардера.

На кухне вовсю кипела работа. Огромные стальные поверхности, повара в белых кителях, быстрый стук ножей. Пахло запечённым мясом с травами и свежей выпечкой, желудок отозвался голодным спазмом — в самолёте я почти ничего не ела.

— Ужин подадут в восемь, — Омер сверился с часами. — Если погода не испортится, стол накроют на открытой террасе у воды. Господин Демир любит ужинать под крик чаек.

Мы поднялись на второй этаж, в жилое крыло. Длинный коридор освещался мягкими настенными бра, на стенах висели чёрно-белые фотографии Стамбула начала прошлого века. Старые деревянные дома, лица дервишей, лодки у причалов. От яркой экспрессии первого этажа здесь всё переходило в строгую архивную тишину.

— Здесь находится гостевая зона, десять комнат, — Омер открывал двери, демонстрируя интерьеры.

Каждая комната имела свой характер. Первая — тяжёлый османский стиль: низкие подиумы, парча, медные чеканные светильники. Вторая — холодный минимализм с панорам-

ным остеклением. Третья — строгие линии модерна. Демир создавал пространства под разное настроение. Или... под разных женщин?

— Ваши апартаменты находятся дальше, в конце галереи.

Мы остановились перед массивной дверью из тёмного дерева. Омер толкнул створку, и я переступила порог. Это были не просто комнаты — огромная территория, оформленная с пугающим пониманием моих скрытых желаний. Гостиная с глубокими диванами серо-голубой ткани, стеклянный журнальный столик на основании из коряги, выброшенной морем, и графика на стенах, которую я раньше видела только в закрытых каталогах.

Я прошла в спальню. Огромная кровать под балдахином из белого шёлка — ткань спадала складками, как на скульптурах Бернини. На прикроватной тумбе в хрустальной вазе стояли тёмно-красные розы, а на покрывале лежал мягкий халат цвета пудры.

Ванная оказалась размером в одну спальню. Огромная чаша джакузи, подиум с зеркалом у окна, а само стекло — зеркальное со стороны улицы — открывало вид на Босфор. Можно лежать в горячей воде и смотреть на проплывающие корабли, оставаясь невидимой для внешнего мира. Что-то за гранью.

— Если возникнут вопросы или пожелания, воспользуйтесь консолью у кровати, — Омер указал на едва заметную панель. — Горничная придёт незамедлительно. Отдыхайте,

мисс Карина.

Он поклонился и исчез, бесшумно прикрыв дверь.

Оставшись одна, я медленно прошлась по комнатам. Ноги утопали в густом ворсе ковра, всё здесь было выверено до миллиметра — пропорции, свет, текстуры.

Я раздвинула зеркальные панели гардеробной и замерла. Вешалки с платьями — шёлк, хлопок, кашемир. Повседневные и вечерние платья. Нижняя полка с обувью, от кожаных сандалий до шпилек. В выдвижных ящиках тонкими слоями лежало кружевное бельё — чёрное, телесное, красное. Я вытянула одно платье, простое чёрное, посмотрела на бирку. Мой размер. Обувь — тридцать восьмой, в точку.

— Чёртов манипулятор, — сорвалось с губ.

Я вспомнила момент в офисе, когда при заполнении анкет Демир между делом спросил мои размеры. Я тогда отмахнулась, решила, что это формальность для какой-то формы в галерее. А он уже создавал этот гардероб. Знал, что я подпишу контракт. Просчитал меня от и до.

Достав телефон, я включила видео и медленно обвела камерой гостиную, спальню, ванную.

— Ин, смотри, — я вышла на балкон и развернула камеру к воде. — Он забил гардероб вещами моего размера. Всё продумано. Я на вилле прямо на берегу. Красиво очень, но ощущение, что меня заперли в очень дорогом вольере. Ладно, пойду разбирать вещи.

Отправив сообщение, я бросила телефон на кровать и

оперлась на кованые перила балкона. Солнце медленно катилось к закату, окрашивая Босфор в оттенки кадмия и жёлтой сиены. На том берегу зажигались огни. Я закрыла глаза, подставила лицо теплему ветру, и тут же из темноты всплыли картины из тех лихорадочных снов. Древний Рим, залитый зноем двор, мужчина с абсолютно чёрными глазами и смерть священника. Флоренция, лунный свет, девушка и мужчина в карнавальной маске с теми же глазами. Два сна — две смерти.

— Просто переутомление, слишком много работала перед дипломом, — прошептала я, но подсознание отказывалось верить в совпадения.

Я вернулась в спальню, упала на кровать и снова взяла телефон. Набрала в поиске: «Стамбул, места для вдохновения». Экран выдал десятки ссылок. Гранд-базар — лабиринт из тысяч лавок, где цвета смешиваются в безумный вихрь, отличная точка для экспрессивной графики. Мечеть Сулеймание — строгая архитектура, свет сквозь витражи, падающий на мрамор цветными пятнами. Цистерна Базилика — подземное водохранилище, где из темноты проступают плачущие колонны и перевёрнутые головы Медузы, там точно нужно рисовать углём. Дворец Топкапы — бывшее гнездо султанов, гарем, где женщины веками жили в золотых клетках, сублимируя тоску в орнаменты на шёлке.

Я сохраняла вкладки, но мысли возвращались к хозяину дома. К его закрытой коллекции. И к той самой лестнице на

мансарду, куда мне нельзя. Что он там прячет? Свои неудачи? Или картины девушек, которые исчезли? В памяти снова возник образ флорентийской девушки из сна.

В коридоре раздались шаги — тяжёлые, уверенные, мужские. Вернулся.

Я мгновенно села, поправила волосы. Шаги затихли у моей двери. Три коротких удара.

— Карина, — низкий голос Демира. — Ты готова к ужину?

— Да, переодеваюсь.

— Хорошо. Я буду ждать внизу.

Я спустилась на первый этаж. Дом уже погружался в синие вечерние тени. Надела льняное платье цвета слоновой кости, волосы оставила распущенными, из косметики — только тушь и прозрачный бальзам на губах. Мне хотелось выглядеть так, будто я не старалась, хотя у зеркала я провела слишком много времени.

Омер ждал у подножия лестницы, молча кивнул и проводил через стеклянные галереи на открытую террасу. Босфор потемнел, огни на азиатском берегу мигали и вытягивались в воде золотыми иглами.

На террасе стоял стол на восемь персон — белая скатерть, хрусталь, свечи в канделябрах. Несколько человек уже сидели там, негромко переговариваясь: пожилой мужчина, полная женщина с гладко зачёсанными тёмными волосами, молодая девушка и крепкий парень с серебряным кольцом в

ухе.

Демир стоял у перил спиной к гостям, и говорил по телефону. Услышав мои шаги, он обернулся, бросил в трубку пару слов и убрал телефон в карман.

— Карина, — он взял мою ладонь, и потянул к столу. — Позволь познакомиться тебя с моей семьёй.

— Семьёй? — я удивленно приподняла бровь.

— Не по крови. По духу. Эти люди вырастили меня и остаются на вилле столько, сколько я себя помню.

Он представил каждого. Сабри-эмми — садовник, который учил его подрезать бутоны в пять лет и до сих пор отчитывает, если он наступает на клумбы. Фатма-ханым — шеф-повар, кормившая его с младенчества и готовящая лучше всех мишленовских ресторанов. Зейнеп — её племянница, приехавшая из анатолийской деревни год назад. Мерт — сын Омера, водитель и охрана. И сам Омер, управляющий, на котором держится весь особняк.

Все они смотрели на меня с нескрываемым любопытством. Я ощутила себя неловко. Хотелось всем понравиться.

— Очень приятно, — я постаралась улыбнуться, посмотрев на каждого. — Меня зовут Карина, я художница. Проведу у вас ближайший месяц.

— Мы знаем, — негромко отозвалась Фатма, и в её интонации мне почудился странный подтекст. — Эфенди много говорил о вас перед вашим приездом.

Демир отодвинул для меня стул, и я села, зажатая между

ним и притихшей Зейнеп. Напротив устроились Мерт и Сабри, а Омер и Фатма заняли торцы стола.

Ужин оказался великолепным — нежное мясо ягненка в медовом соусе, рассыпчатый рис, запечённые перцы, домашние сыры, маслянистые оливки, пахлава, тающая на языке. Но расслабиться я не могла.

Левое бедро Демира плотно прижималось к моему весь ужин. Он не отодвигался, и это молчаливое специальное касание заставляло меня постоянно думать о нём.

В какой-то момент он достал из-под стула чёрную кожаную папку, извлёк лист бумаги и остро заточенный графитовый карандаш. Откинулся на спинку и принялся чертить быстрые резкие линии. Я замерла с бокалом в руке, наблюдая за его пальцами.

Он не смотрел на меня в упор, но я ощущала, как его внимание постоянно обращается ко мне.

— Что ты делаешь? — спросила я тихо.

— Рисую, — он не поднял головы. — По условиям контракта я имею полное право фиксировать твои состояния в любой момент. И я не намерен терять этот вечер.

Кровь прилила к щекам. За столом на секунду воцарилась тишина, слышался только звон приборов и шум волн о гранитный цоколь виллы.

— У нас сегодня был тяжёлый день в саду, — нарушил молчание Сабри, обращаясь к Фатме. — Но я всё-таки высадил те белые розы у фонтана.

— Спасибо, брат, — кивнула она, переводя взгляд с Демира на меня. — Белый цвет успокаивает.

Я пыталась слушать их разговор, но краем глаза продолжала следить за карандашом в его руке. Он работал уверенно, размашисто, время от времени его взгляд отрывался от листа и замирал на моих губах или линии шеи, а потом возвращался к бумаге. Каждый раз, когда наши глаза пересекались, у меня кружилась голова. Я убеждала себя, что это усталость после перелёта и акклиматизация, но обмануть себя не получалось. Это было из-за него.

Остальные продолжали есть и обсуждать погоду, однако периодически, когда Демир опускал голову, я перехватывала их быстрые взгляды. Будто все они знали обо мне что-то интересное.

Я повернулась к Зейнеп и спросила, давно ли она живёт в Стамбуле. Девушка робко улыбнулась и рассказала, что тётя забрала её из деревни под Карсом год назад. Мерт, глядя на меня поверх бокала, поинтересовался, какой жанр живописи я предпочитаю.

— Я пишу людей, их тела, текстуру кожи, эмоции, которые они пытаются скрыть, — ответила я, выпрямляя спину.

— Эротику, — прямо сформулировал он. Фатма подавилась, ткнув мужчину локтем в бок.

— Да. Эротику.

Демир перестал рисовать, остриё графита застыло над бумагой. Он медленно поднял голову, его глаза задумчиво

скользнули по моему лицу, задержались на нижней губе, после чего он молча вернулся к работе.

Я решила сменить тему и спросила его напрямую про закрытую дверь на мансарде, про которую упомянул Омер.

— Это правда, — Демир не оторвался от листа, только уголок его губ дёрнулся вверх. — Никаких тайн, обычные границы. Там моя рабочая студия, туда запрещено входить всем без исключения. Даже обслуге.

— Но ты обещал показать мне закрытую коллекцию. Помнишь?

— Конечно. И покажу. Завтра. Но коллекция находится в выставочном крыле на первом этаже, а не в моей мастерской.

Я всматривалась в его профиль, пытаюсь понять, что он прячет за запёртыми дверями мансарды.

— Правил в этом доме немного, Карина, но те, что есть, обязательны к исполнению. Я настоятельно рекомендую тебе их соблюдать, — он отложил карандаш и посмотрел мне прямо в глаза, акцентируя на этом внимание.

— Разумеется, — я отвела взгляд и сделала глоток вина.

Ужин подошёл к концу, Фатма принесла чай в стеклянных армудах, и мы пили его мелкими глотками, слушая шум кипарисов. Демир захлопнул папку и поднялся.

— Могу я взглянуть на набросок? — я потянулась к папке, но он уверенно перехватил мою ладонь, и медленно опустил мою руку обратно на стол.

— Набросок не завершён. Я покажу его, когда форма об-

ретёт окончательный смысл.

Я хотела возразить, но он уже повернулся к Омеру и отдал короткие распоряжения на турецком.

Демир согласился проводить меня до моей комнаты. Мы шли по коридору второго этажа. Его ладонь легла на мою поясницу, почти не касаясь кожи через вырез платья. Я могла поклясться, что участок этой кожи буквально всколыхнул жаром.

— Завтра у тебя свободный день, можешь отдохнуть, погулять по городу, сделать наброски. Мурат отвезёт тебя куда скажешь. Послезавтра приступим к работе. Я открою галерею и подробно объясню, какого результата жду от тебя.

— Хорошо, — я шла, глядя перед собой.

Мы остановились у двери моих апартаментов. Я ухвати-лась за ручку, но не смогла уйти, не задав вопрос, который мучил меня с момента подписания.

— Демир... у тебя ведь были другие девушки до меня? Те, с кем ты подписывал такие же соглашения?

Он молчал так долго, что я уже решила, что он проигно-рирует. Я повернулась к нему лицом.

— Были, — ответил он наконец с мрачным напряжением. — Но то совершенно иная история.

— В чём разница?

— Те женщины были исключительно натурщицами. Му-зы, на которых я тренировал глаз.

— Не только же глаз. Да?

— С некоторыми я спал, да. Если ты об этом. Но только когда они сами умоляли меня. С тобой будет иначе. Я уверен.

— Верно. Я не буду умолять тебя переспать со мной. Если ты об этом.

Он хмыкнул, закусив губу. Долго смотрел на меня, словно решая, открывать ли карты, потом его пальцы коснулись моей щеки, скользнули по скуле вниз и остановились на нижней губе, слегка потянув её.

— Я умею просчитывать бизнес-планы и контролировать финансовые потоки. Но влечение между мужчиной и женщиной — единственная вещь, которую я не могу до сих пор объяснить. И я не привык отказывать себе в удовольствии изучать то, что сильнее меня.

— Не отказывай.

Он сдержал улыбку, наклонился и прижался губами к моему лбу — мягко, платонически. Такой жест меня удивил.

— Спокойной ночи, джаным.

Демир развернулся и пошёл прочь, не оборачиваясь. Я смотрела на его широкую спину, пока силуэт не растаял в темноте лестничного пролёта.

Демир Османоглу... Ты полон загадок.

Я прошла в спальню, сбросила платье, оставшись в одних кружевных трусиках, и повернулась к ростовому зеркалу. Мои татуировки. Змея на предплечье, бабочка на бедре. Защитная плёнка на свежих контурах уже подсыхала и топорщилась по краям.

Я подцепила край и медленно стянула её — кожа под ней была слегка воспалённой, но рисунки выглядели безупречно.

Я провела пальцами по коже предплечья и подумала о том, как отреагирует Демир, когда увидит всё это. Для консервативного турецкого мужчины такое количество чернил на женском теле может стать шоком.

«Харам», — прошептала я, и от этой мысли стало не страшно, а весело. Я нарушала его внутренние правила, даже не успев их узнать, и в этом было какое-то свое извращённое удовольствие.

Я натянула шёлковую пижаму, устроилась в кресле у окна с альбомом и карандашом. За стеклом расстился чёрный Босфор, прошитый огнями кораблей и яхт. Рука сама начала чертить линии.

Из хаоса штрихов проступали очертания: изгибы женского тела, пряди волос на лице, массивные цепи на запястьях и лодыжках, языки пламени, лижущие обнажённое тело.

Мужчина. Тот самый, что преследовал меня во снах. Римский демон с чёрными глазами, флорентийский убийца в маске.

Карандаш двигался быстро, черные крошки сыпались на колени, а я рисовала, теряя счёт времени, пока глаза не начали слипаться. Карандаш выскользнул из пальцев, покатился по паркету. Я откинулась в кресле, и сознание провалилось во тьму.

Глава 14: Проклятие рода

СОН КАРИНЫ

Я чувствовала каждую кость своего тела, потому что была очень старой. В пояснице сидела тупая ноющая боль, а кожу на лице покрывали глубокие сухие морщины. Свои руки я видела прямо перед собой — старческие пальцы с выступающими синими венами и пигментными пятнами, которые когда-то могли часами держать кисть, а теперь едва справлялись с пуговицами.

Я сидела в купе старого поезда. Деревянные лакированные сиденья скрипели при каждом толчке, плотные занавески на окнах покачивались от сквозняка и задевали моё плечо. За окном темнело, мелькали серые перелески и голые поля.

Напротив меня устроилась девушка лет семнадцати, совсем юная, с чистой кожей и испуганными тёмными глазами. Моя внучка. Она сидела, подавшись вперёд, и судорожно тербила подол простого дорожного платья.

— Бабушка, — она заговорила дрожащим голосом, — зачем мы бежим в эту глушь, в Россию? Там холодно, чужие люди, чужой язык. Я ничего не понимаю, мне страшно.

— Надо, дитя моё, — ответила я с трудом. — Это единственный способ выжить. Наш род проклят. Мы должны ис-

чезнуть, раствориться среди чужаков, иначе он найдёт тебя.

— Какое проклятие? Кто найдет? — она смотрела на меня с непониманием и ужасом. — Ты никогда не рассказывала. Пожалуйста, не молчи сейчас.

Я прикрыла глаза и откинулась на жёсткую спинку сиденья. Воспоминания нахлынули душными волнами — старые семейные хроники, которые хранились за семью печатями. Я заговорила тихо и вдумчиво:

— Всё началось ещё в шестнадцатом веке, в Италии. Каждое второе поколение женщин нашей крови погибает молодыми. Их сердца просто останавливаются на пике красоты. Но самое страшное не это. Рядом с телом каждой находят картину. Безупречный холст, на котором запечатлён их последний предсмертный вздох.

— О, господи... — внучка побледнела так, что на лбу проступили тонкие синие жилки. — Кто это делал с ними? Кто этот убийца?

— Никто не знает. Наша семья нанимала лучших сыщиков Европы, обращалась к инквизиторам, к чернокнижникам, к святым отцам. Никто не смог выйти на след этого живописца. Он словно призрак.

— И теперь пришла моя очередь?

Я кивнула. В моём поколении проклятие обошло нас стороной, я дожила до седых волос и думала, что кошмар закончился. Но когда её мать умерла сразу после родов, я поняла — рок вернулся. Внучка была следующей.

— Поэтому мы бежим в Россию, — добавила я, — думаем, что этот палач — кто-то из ближнего круга, из аристократов, которые веками крутятся вокруг нашей семьи в Европе. Если мы сменим имена, откажемся от титулов и затеяемся в русских снегах, у нас будет шанс обмануть его.

— А как же мои братья? Почему они остались в поместье?

— Проклятие выбирает только женщин. Мужской крови нашего рода ничего не угрожает.

Поезд начал замедлять ход, колёса застучали на стыках путей. За окном показались желтые фонари маленькой станции. Проводник прокричал остановку.

Я с трудом поднялась, опираясь на руку внучки, и мы вышли на деревянный перрон, где нас уже ждал закрытый экипаж. Угрюмый кучер с огромными усами молча подхватил наши скромные чемоданы и погрузил их внутрь кареты. Я помогла девушке забраться на сиденье и села рядом.

— Мы остановимся на ближайшем постоялом дворе, — сказала я, когда карета тронулась и нас начало трясти на разбитой грунтовой дороге. — Переночуем, а на рассвете двинемся дальше, вглубь губернии.

Внучка неотрывно смотрела в окно, за которым стеной стоял чёрный лес. Я заметила, как её тонкие пальцы сжимают маленький золотой крестик на шее — точно такой же висел и на моей груди. Она тёрла его подушечками пальцев, и этот монотонный жест выдавал её страх.

Постоялый двор оказался мрачным двухэтажным здани-

ем со сгнившим крыльцом и облупившейся краской. Карета остановилась у входа. Я выбралась первой, подставив лицо холодному ветру, и обернулась к внучке.

— Посиди пока внутри. Я договорюсь с хозяином, оплачу комнаты и вернусь за тобой.

Она кивнула и вжалась в кожаное сиденье. Я, придерживаясь за поручень, спустилась на землю и заковыляла к двери. Внутри было темно. За стойкой дремал плотный мужчина в засаленном кафтане.

Я подошла, достала из кошелька несколько серебряных монет и положила на прилавок.

— Мне нужны две смежные комнаты на ночь.

Хозяин встрепнулся, заспанно закивал, потянулся за амбарной книгой и чиркнул спичкой, чтобы зажечь свечу.

И в этот самый момент пламя погасло.

Все свечи в помещении потухли разом, будто кто-то невидимый задул их одним ледяным выдохом.

Зал погрузился в абсолютную тьму. За окнами тоже не было ни луны, ни звёзд — только чёрная стена ливня, который внезапно обрушился на землю.

Поднялся шквалистый ветер, ставни бешено застучали по стенам. Где-то на окраине двора истошно завывали собаки, им вторили вороны, сорвавшиеся с деревьев.

— Господи Иисусе, — пробормотал трактирщик, судорожно крестясь в темноте. — Что за напасть...

Моё сердце сжалось. Внучка. Она одна в карете.

Я бросилась к выходу, на ходу толкнув тяжёлую дубовую дверь, и вывалилась наружу под проливной дождь.

Ледяная вода мгновенно промочила мою одежду до нитки, но я не чувствовала холода. Только ужас, который сковал тело и гнал меня вперёд через лужи и грязь. Я спотыкалась, туфли вязли в раскисшей земле, юбка путалась в ногах.

У самой коновязи стоял высокий мужчина в длинном чёрном плаще и широкополой шляпе, которая полностью скрывала лицо. В руке он сжимал трость из тёмного дерева с массивным набалдашником. Он стоял неподвижно, и дождь, казалось, обтекал его, не задевая.

— Стой! Не смей! — закричала я, срывая голос.

Он даже не шелохнулся. Я из последних сил добежала до кареты.

Дверца была распахнута настежь. На полу, наполовину вывалившись наружу, лежала моя внучка. Длинные тёмные волосы смешались с дорожной грязью. Глаза были широко открыты и смотрели в грозовое небо — пустые, остекленевшие. Левая рука свешивалась со ступеньки, и в намертво зажатом кулаке она держала золотой крестик.

Он был покрыт свежей густой кровью, а кожа на ладони оказалась сожжена до мяса, покрыта волдырями, будто она сжимала кусок раскалённого металла.

Я с воплем упала на колени в грязную лужу, схватила её остывающую руку и прижала к своей щеке. Слезы смешались с дождевой водой на лице.

— Нет, только не ты. Господи, за что? Только не так.

Я резко вскинула голову и посмотрела на дорогу. Мужчина в чёрном плаще всё ещё стоял там. Поля шляпы скрывали черты лица, но я кожей почувствовала его улыбку — хищную, торжествующую.

— Зачем ты это делаешь с нами?! Кто ты?? — закричала я, задыхаясь от слёз и дождя.

Он не ответил. Медленно развернулся и шагнул назад, растворяясь в стене ливня, словно его и не было. А я осталась стоять на коленях в грязи перед открытой каретой, сжимая изуродованную руку мёртвой внучки, и понимала: проклятие не обмануть. Оно идёт по следу. Из века в век. От матери к дочери. От бабушки к внучке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.